

Новая Польша 11/2016

0: Мы взрываем консенсус

— *Ярослав Качинский говорит: «Бальцерович — это вредитель», Анджей Дуда заявляет: «Мы восстановим Польшу из пепелищ». Это такая риторика, или же мы действительно не имеем права гордиться тем, что происходило в Польше за последние 26 лет?*

— Защитникам Третьей Речи Посполитой я рекомендую поразмышлять вот над чем: за последние 400 лет у нас не было столь позитивной геополитической и хозяйственно-экономической конъюнктуры, как после 1989 года. Тем самым мы были попросту обречены на успех. А теперь сравним это с положением Польши перед началом Второй мировой войны. Мы тогда могли вести самую лучшую экономическую политику, но всё равно ничего не смогли бы поделать в столкновении с двумя тоталитаризмами. Третья Речь Посполитая существовала в условиях весьма благоприятной конъюнктуры. Вопрос: всё ли мы сделали для того, чтобы ее использовать? Лично мне кажется, что нет. Вдобавок к этому жили мы беззаботно, словно стрекоза из басни Крылова. «Показатели растут», — неустанно радовались мы, забывая, что это рост в кредит. Сегодня мы принадлежим к первой десятке стран, наиболее обременённых зарубежными долгами.

Нам следовало опираться на отечественный капитал и собственные сбережения. Вместо этого мы погрязли в долгах. Радостно приватизировали всё, что только поддавалось разгосударствлению, не давая шансов на реструктуризацию и времени на повышение эффективности польских фирм. Капитал поступал из-за границы, но ведь отнюдь не в рамках благотворительности. Сегодня обслуживание долга ежегодно обходится стране в 90 млрд злотых.

— *Это много?*

— В два раза больше, чем мы расходуем на образование, в десять раз больше, чем тратим на инновации, и втрое больше, чем на обеспечение обороноспособности. Следовательно, если вы меня спрашиваете: «Польша разорена или процветает?», я отвечаю: «Не стоит так уж хвастаться успехами. Из-за этих успехов нам приходится бежать дальше с рюкзаком, наполненным камнями». А охотнее всего я бы подискутировал о будущем нашей экономики, особенно сейчас.

— *Происходит что-то интересное?*

— Происходит эрозия вашингтонского консенсуса. Вашингтонский консенсус — документ, представленный англо-американским экономистом Джоном Уильямсоном на исходе 80-х годов XX века и являющийся ныне основой правильной и рекомендованной экономической политики США. Сейчас этот документ служит каноном экономической политики Международного валютного фонда и Всемирного банка, штаб-квартиры которых находились в столице США Вашингтоне — отсюда и термин «Вашингтонский консенсус». — Здесь и далее прим. пер., иными словами, лозунгов, призывающих любой ценой осуществлять либерализацию, обеспечивать свободное перемещение капиталов, догматически проводить приватизацию и радоваться неравенству. В настоящий момент планета, и мы в том числе, находится в процессе глубокой перестройки хозяйственно-экономической модели и упадка старой парадигмы. Это связано с тремя трендами. Во-первых, радикально возрастает значение крупных корпораций, и это не уравнивается международным контролем над ними. Глобальные корпорации вроде Apple, Google или Bank of America получают гигантские прибыли, которыми они не делятся в достаточной степени со всеми теми обществами, где функционируют.

Второй тренд — это демография. Западные общества, частью которых мы являемся, решительным образом стареют. Поколение послевоенного демографического бума вступает в пенсионный возраст. Кто должен на него работать? Основополагающая экономико-финансовая переменная и условия для функционирования бюджетов начинают резко меняться. К этому добавляются еще и миграционные процессы, которые будут только усиливаться.

Наконец, третий большой тренд — это роботизация и дигитализация, которые ведут к тому, что работы становится всё меньше и меньше. В такой ситуации существенным окажется то обстоятельство, располагает ли кто-либо собственным капиталом, который будет на него работать.

Ну а мы, словно лодочка в огромном океане, должны реагировать на указанные тренды. План «Ответственного развития», выдвинутый недавно нашим министерством, учитывает эти тренды и старается под них подстроиться.

— *Вы критикуете вашингтонский консенсус. А частью какого консенсуса вы себя чувствуете?*

— Польша и партия «Право и справедливость» (ПиС) выбиваются из консенсуса и указывают на необходимость искать новый экономический и политический путь. Широко понимаемая солидарность — это наше великое наследие, и мы должны быть ее рассадником.

— *Социализм?*

— Не социализм, но уж точно и не неолиберализм. Думаю, наше правительство хорошо выявило стоящие перед нами вызовы и разработало хорошую программу. Мы хотим справедливой и солидарной Польши.

— ***Где находятся наши союзники? В каких столицах тоже видят всё это аналогичным образом?***

— Видят во многих, но они еще этого так не называют. Однако такой эгоистический подход долго не продержится. Миграционный напор, войны — такие вещи могут решительно ухудшить экономическую ситуацию. Поэтому необходимо найти механизм, который сделает для нас возможным совместное и ответственное создание будущего.

Савл обратился в истинную веру на пути в Дамаск, и сегодня мы знаем его как святого Павла. Страж вашингтонского консенсуса, иначе говоря, Международный валютный фонд, начинает в своих последних отчетах говорить о том, что финансовый сектор должен способствовать развитию общества. Говорится в них и об огромной угрозе со стороны разных видов неравенства. Во многих институтах уже присутствует такого рода рефлексия. Неолиберальные политики предпочли бы ничего не менять. Однако так, как раньше, никогда уже не будет.

— ***Я задаюсь вопросом, почему ваши предшественники выбрали столь не амбициозную, приземленную политику, как политика «теплой воды в кране»*** *Отсылка к словам Дональда Туска, сказавшего в сентябре 2010 г. в одном из интервью: «Пока я буду присутствовать в публичной жизни, предпочитаю политику, которая гарантирует, как кто-то ехидно заметил, теплую воду в кране».* ***Ведь был же отчет Хауснера*** *Имеется в виду отчет «Государство и мы. Восемь главных грехов Речи Посполитой», который подготовили в конце 2015 г. 13 экспертов под руководством краковского профессора Ежи Хауснера — бывшего министра нескольких левых правительств РП в 2001-2005 годах.* ***Там говорилось о ловушке среднего дохода, демографических проблемах, необходимости поддержки некоторых секторов экономики. Диагноз был.***

— Но не было воли к переменам. Правящая группа боялась слова «реформа». Пресловутую теплую воду в кране сочли более безопасной с политической точки зрения. И за это нас гладили по головке другие сильные страны ЕС. Наша приземленная политика была им на руку.

— ***Так как они могли нас выкупить, колонизировать — вы это хотите сказать?***

— Я вам кое-что покажу. На протяжении последних ста лет средний класс формировался в основном благодаря торговле. А вот вам диаграмма — двадцать крупнейших торговых сетей в Польше, и все они, кроме трех, находятся в иностранных руках. Меня можно обвинить в том, что я — помешавшийся экономический патриот, но факты безжалостны: мы продали 90% розничной торговли, 95% производства цемента, 75% банковского сектора. Поэтому, когда я говорю о необходимости восстановить польскую собственность, то знаю, что такие речи чрезвычайно не нравятся моим предшественникам.

— ***Почему?***

— Потому что вынуждают их отвечать на другой вопрос: почему мы раньше не позаботились об этой польской собственности? И меня не удовлетворяет ответ, будто польские фирмы были неэффективными. Ведь РКО BP, PESA, Newag^{РКО BP — банк «Польские сберегательные кассы — Польский банк», PESA — концерн «Рельсовый транспорт», специализирующийся в производстве поездов, вагонов и трамваев, Newag — комплекс предприятий, ориентированных на модернизацию и производство дизельного и электрического рельсового транспорта, а также пассажирских вагонов.}, Торуньская фабрика перевязочных материалов — это примеры того, что можно было трансформировать фирмы и сохранить польскую собственность. Скажу прямо — мне жаль, что мы до такой степени распродали нашу страну.

— ***Почему так важно, чтобы банки находились в польских руках? Не потому ли, что, если они будут в чужих, то не захотят кредитовать «польские экономические проекты»?***

— Я разверну ваш вопрос в другую сторону — почему во всех зрелых странах банковский сектор находится в отечественных руках? Почему Польша должна быть исключением? Ведь именно центральные офисы банков принимают решения о направлениях размещения капитала, о финансировании проектов, нацеленных на развитие, равно как о субсидировании слияний или поглощений. И, разумеется, местные банки более склонны финансировать отечественную экономику — это особенно ярко видно в периоды кризисов. Мы в Польше испытали это во время кризиса 2009 г., когда только РКО BP и Западный Банк WBK в достаточно крупных масштабах кредитовали польские малые и средние фирмы. Таковы цифры. Таковы факты.

— ***Вот только реполонизация, как у нас нередко называют восстановление польской собственности, означает частичную национализацию, а значит, такие операции проводятся за деньги налогоплательщика.***

— Тут я не соглашусь. Когда банк «Alior» покупал BPH, то Управление всеобщего страхования выложило всего лишь 400 млн злотых, а остальные 2 млрд были привлечены от частных инвесторов. Тем фондам, к которым мы поехали за деньгами, понравилась стратегия, благодаря которой мы получим заметно укрупнившийся банк — более эффективный, хорошо обслуживающий польскую экономику и обладающий более высокой рентабельностью. Эффект? Мы имеем небольшой объем вовлеченного государственного капитала при одновременном «одомашнивании» банка. Такой механизм мне больше всего по душе.

— ***Одомашнивании?***

— Это слово лучше, чем реполонизация. Мы не намереваемся расходовать слишком много средств, причем траты будем осуществлять только на основе рыночных принципов — по самой лучшей цене и лишь с таким долевым участием государства, которое действительно необходимо, чтобы такое одомашнивание произошло. В случае банка «Pekao SA» оно составляет от 25 до 35%. Семейство Ботин владело несколькими процентами долевого участия в действующем у нас испанском банке «Сантандер», но, невзирая на это, все-таки контролировало и продолжает контролировать данный банк. Главное, чтобы центральное управление, то место, где принимаются решения, находилось в Польше. Впрочем, многие из зарубежных инвесторов размещают свои штаб-квартиры именно в Польше, честно платят здесь налоги и создают в нашей стране как центры по производству продуктов, так и исследовательские центры. Это очень хорошие «корпоративные граждане» нашей экономической системы.

— ***Вы критикуете последние 26 лет. Но ведь мы выбрали такой способ развития, чтобы интегрироваться с ЕС, а ЕС — это свободное перемещение капиталов и людей. Украинцы и белорусы не сделали этого и на самом деле упустили свой шанс.***

— Не смотрите, пожалуйста, на наше членство в ЕС только сквозь призму тех денежных средств, которые сюда поступают. Есть такие сферы, где мы выиграли, например, доступ к единообразному европейскому рынку, но есть также издержки — все наше регулирующее право мы подчинили евросоюзному законодательству.

— ***Можно было этого не делать, но мы сами хотели...***

— Согласен. Однако я стараюсь смотреть как на позитивные, так и на негативные стороны. А негативным является, например, тот факт, что мы полагаемся на механизмы развития, которые зависят от евросоюзных дотаций. Это не всегда хорошо для экономического роста. Приведу пример: за средства, поступавшие из предыдущего бюджета ЕС, мы охотно строили стадионы, бассейны, оперы, аквапарки или тротуары. Люди культуры и спорта, скорее всего, рассердятся на меня, когда я скажу, что подобные инвестиции генерируют главным образом издержки. В момент возведения стадиона ВВП растет и развивается, но потом подобный объект генерирует почти исключительно издержки.

Заработать на стадионе очень трудно. Естественно, органам местного самоуправления такие инвестиции нравятся: ведь приятно, когда у детей появляется новый бассейн, а у жителей — красивый парк. Вдобавок впоследствии легче выиграть очередные выборы. Но я скажу со всей ясностью: страны, находящиеся на нашем этапе хозяйственно-экономического развития, не должны концентрироваться на таких роскошных инвестициях, и уж наверняка не в такой степени. Очередная бюджетная перспектива ЕС — это большой шанс, чтобы управлять средствами иначе. Чтобы инвестировать их, а не только расходовать.

— ***Правительство ПиС — однопартийное, вы являетесь его вице-премьером. Чувствуете ли вы ответственность за успешную реализацию вашего плана?***

— Чувствую. У нас имеется несколько приоритетов: электрический транспорт, восстановление судостроительной отрасли и рельсового транспорта. Я знаю, что с меня потребуют отчитаться в их реализации. Если, к примеру, через три года по меньшей мере десять крупных польских городов не перейдут на электрические автобусы, то это будет означать, что хвастаться нечем. Я хочу также, чтобы были критически проанализированы плоды моей работы по другим программам — тем, которые труднее поддаются оценке, поскольку они более аморфны, как, например, улучшение условий ведения хозяйственно-экономической деятельности. Для меня это очень важно.

Я рад, что в политическую дискуссию удалось ввести новые понятия. Известные экономисты разговаривают сегодня о сбережениях, накоплениях и инвестициях, причем все — даже наши оппоненты! — акцентируют внимание на том, насколько опасна чрезмерная зависимость от капитала, поступающего из-за границы. Многие из экономистов, в том числе принадлежащих к мейнстриму, подчеркивают, что речь идет не только о самом ВВП, но и о качестве этого ВВП, что нас интересует не только рост потребления и привлечение евросоюзных средств. Ведь речь идет — как говорили мои предшественники — не о «выжимании» средств из Брюсселя, а о развитии страны на здоровых основаниях, об инвестициях, о наращивании собственности поляков и приросте доходов наших граждан.

— ***На встрече активистов ПиС в Быдгоще вы сказали, что программа «500 плюс»⁴ Чтобы облегчить воспитание детей и стимулировать рождаемость, партия ПиС перед выборами пообещала ежемесячно выплачивать на каждого ребенка, начиная со второго, 500 злотых (около 120 долларов). Каждый год обременяет государство долгом в размере 20 млрд злотых. И добавили: «Мы здесь в собственном кругу, а потому мне нет нужды говорить одни только красивые слова». Это грустно, поскольку вроде бы все мы в Польше находимся в собственном кругу.***

— Это правда, мне следовало бы сформулировать данную мысль иначе.

— ***Ошибка?***

— Тут проявилась моя неопытность. Я не предвидел, каким образом это может быть интерпретировано.

— ***Потому что вы сказали чистую правду.***

— Прежде всего, правда такова, что я всем сердцем поддерживаю этот механизм, помогающий польским семьям, и делаю для него всё, что только могу. Дело обстоит отнюдь не так, что официально я говорю: «Программа "500 плюс" прекрасна», а в кулуарах шепчу: «Это катастрофа». Программа «500 плюс» — важная и нужная. Так я

думаю, и так я тогда говорил. Но то, что у нас 25 лет существует бюджетный дефицит, и мы не в состоянии превратить его в профицит даже в годы самой лучшей конъюнктуры, — это ведь тоже правда.

— Это доказательство того, что не существует простых рецептов. В вашей программе присутствуют стабильность публичных финансов, инвестиции, накопления и бережливость, но 59 млрд злотых дефицита — это никак не бюджет экономии.

— Да? Тогда взглянем на дефицит во временной перспективе. Шесть лет назад дефицит в секторе публичных финансов составлял 110 млрд злотых. Годом ранее — 95 млрд, год спустя — 90 млрд злотых. У наших предшественников показатели дефицита бывали 8%, 7% и 6% ВВП, а у нас он составляет 2,9%, и в рамках этого мы запустили амбициозную программу «500 плюс». Вы говорите, что эта бутылка наполовину пуста. А я с чистой совестью скажу: «Эта бутылка наполовину полна». И добавлю, что мы восстанавливаем налоговую базу. Восемь или девять лет назад доходы от НДС, а также от подоходного налога с физических и юридических лиц (так называемые PIT и CIT) составляли 16,5% ВВП. Сегодня это 13,5%! Причем несмотря на то, что «по дороге» НДС был повышен. Такое уменьшение на три процентных пункта — это 60 млрд злотых. Если бы мы сегодня имели в бюджете указанную сумму, то, собственно говоря, дефицита бы просто не было.

— Вы в своей программе продвигаете некоторые из секторов экономики. Идет поиск фирм-чемпионов. И это, пожалуй, логично, так как трудно быть лидером во всем, и лучше специализироваться в чем-либо. Но почему надо продвигать эту отрасль, а не другую? Почему именно фирма «Х» должна становиться чемпионом? Не станут ли тут решающим элементом связи и доступ к власти?

— Правительство не отправится на совещание, после которого укажет пальцем: «С сегодняшнего дня самая важная отрасль — вот эта». Мы спрашиваем: какая отрасль дает наибольшую добавленную стоимость? Кто обладает наибольшим потенциалом для глобальной экспансии? Присутствуют ли там цифровые и информационные компоненты? Если некая отрасль удовлетворяет десяти критериям, примеры которых я привел, значит, есть смысл сделать на нее ставку.

— Прошу прощения, но почему чиновник должен быть умнее рынка?

— Мы делаем ставку на свободный рынок в значительно большей степени, чем это вытекало бы из слов наших критиков. Именно рынок будет решать, развивается какая-то отрасль или нет. Китайцы или корейцы могли в течение 10 или 20 лет дотировать целые отрасли, а у нас обычно нет на это денег. Средства есть, но ограниченные, это не бездонный мешок.

— Тогда как вы и ваши люди будут помогать?

— Прежде всего — гибко, эластично. Каждая отрасль нуждается в ином варианте поддержки. Если, однако, окажется, что какая-то отрасль, невзирая на полученную помощь, не развивается и не генерирует добавленную стоимость, то ее поддержка прекратится. Поэтому мы не собираемся высечь на каменных скрижалях названия семи или восьми отраслей, развитию которых государство будет помогать. Мы не станем инвестировать публичные деньги и смотреть, как ничего не происходит. Мы хотим заключить с отдельными отраслями своего рода контракт, который будет приносить двустороннюю пользу. В том числе и потому, что больших публичных денег у нас нет.

— А что же тогда есть?

— Хорошая атмосфера для развития, создаваемая государственными институциями, а также всё более благоприятное и способствующее развитию фирм законодательство. Мы концентрируемся именно на этом.

— Все спрашивают, как будет распределяться помощь, потому что пребывание у власти одной сильной партии обременено рисками. Вокруг появляются «странные» люди, жаждущие урвать что-нибудь для себя, — совсем недавно от этого предостерегал Ярослав Качинский.

— Подобные предостережения появляются сразу же после перехода власти в другие руки. Надо ценить, что руководство нашей партии обладает волей к искоренению патологических проявлений и делает это весьма последовательно.

— Не из-за того ли лишился своего поста возглавлявший государственное казначейство министр Давид Яцкевич, бравший на работу в принадлежащие этому ведомству акционерные общества своих знакомых?

— Министр Яцкевич выполнил миссию, возложенную на него госпожой премьер-министром. Ликвидация министерства государственного казначейства была одним из обещаний ПиС в ходе избирательной кампании. Министр Яцкевич очень хорошо справился со своей миссией.

— Оппозиция обвиняет вас в воспроизведении республики дружков-приятелей — нынче в правления и наблюдательные советы назначаются люди одной политической ориентации.

— Надо разделить два сугубо разных явления. До сих пор на протяжении 25 лет правили люди, произрастающие из одного идейного корня и придерживающиеся одной экономической теории. Мы хотим дать шанс новым людям, у которых другой, свежий взгляд.

— А если они совершают ошибки?

— Каждый, кто действует добросовестно и честно, имеет право на ошибку. Нет никакой гарантии, что человек с большим стажем работы не допустит ни единой ошибки. Это не означает, однако, разрешения на патологические проявления. Толерантность к патологиям недопустима.

— В Крынице вы смело говорили, что приток иммигрантов с Украины выгоден для Польши. А не

дестабилизирует ли окончательно нашего соседа отток оттуда наиболее активных людей?

— В некоторой степени мы не в состоянии влиять на это. Если мы не примем этих украинцев, их примут немцы, австрийцы, голландцы и вся Западная Европа. Давая приют беженцам с территорий, охваченных войной, мы помогаем разрядить напряженность, существующую в том обществе, а также уменьшить там пространство бедности и несчастий. Поэтому я предпочитаю, чтобы молодые, способные люди с Украины укрепляли экономику нашей страны. А после того, как они наберутся здесь опыта и заработают деньги, многие из них вернутся домой и смогут заняться восстановлением собственной страны.

— Во времена социализма на вашу долю выпали драматические переживания. Функционеры Службы безопасности многократно избивали вас, а однажды вывезли в лес, где имитировали расстрел. Сегодня в качестве вице-премьера вы вынуждены часто встречаться с представителями, выражаясь эвфемистически, не очень демократических государств. Как вы себя при этом чувствуете?

— Не боги горшки обжигают. Считаю, что открытость этих стран к экономическому сотрудничеству с такими государствами, как Польша, приведет там в некоторой более или менее отдаленной перспективе к социальным изменениям. Сегодня мы не заинтересованы в отказе от сотрудничества с ними. Именно так выстраивали на протяжении долгих лет свое экономическое могущество наши партнеры из ЕС.

— И это было правильно?

— Многое указывает на то, что так оно и есть. Одновременно поддерживались контакты с общественностью угнетенных народов, и это позволяло более эффективно влиять на благоприятные преобразования в указанных странах.

— По образованию и опыту вы — экономист и специалист по управлению. Но вместе с тем вы еще и историк. Когда-то вы сказали, что мы, как страна, по сей день ощущаем последствия катастрофы Первой Речи Посполитой, трех ее разделов в конце XVIII века. Что было причиной тогдашнего краха: слабость государства или раскол среди граждан? Я спрашиваю об этом, потому что ПиС хочет сильного государства, но после года вашего правления мы как-то не бросаемся друг другу в объятия.

— Необходимо достигнуть консенсуса вокруг польских государственных интересов. Мне не нравится решать любые вопросы через Брюссель. Мы уже не раз обжигались на подобных действиях.

— Предшественники тоже ездили туда жаловаться.

— Это совершенно несопоставимо с тем, что сегодня делает оппозиция. Накал подобных жалоб, запуск евросоюзных процедур по вопросам, которые должны быть внутренним делом Польши, — такого все же раньше не было. А на вопрос о Первой Речи Посполитой я скажу, что для нас важно сильное государство — субъектное и отчетливо осознающее свои цели. До сих пор мы слишком мало заботились об этом. Я согласен также с тем, что в других странах политический класс умеет лучше договариваться по вопросам, связанным с интересами государства.

— Почему там это возможно?

— В зрелых странах после смены власти не видно особых изменений. Независимо от того, правят ли в Германии социал-демократы или блок ХДС/ХСС, извне никаких серьезных различий не видно. У нашей страны иная история, особенно новейшая. Мы прошли через период трансформации, который заключался в том, что посткоммунисты совместно с частью выводившейся из «Солидарности» элиты построили для себя Третью Речь Посполитую.

— Что это означает?

— Государством беспардонно завладела посткоммунистическая номенклатура — при поддержке какой-то элитной части «Солидарности». В результате мы напрочь упустили ту возможность изменений, которую несла с собой «Солидарность».

— Выходит, «Солидарность» не добилась успеха?

— Помните ли вы, как оплеывали «Солидарность» в начале 90-х годов? В качестве идеи она перестала быть нужной, а в качестве профсоюзного зонтика над правительством износилась по истечении двух или трех лет.

— Вы резко оцениваете начальный период трансформации.

— Да, резко, но в этом я, пожалуй, не одинок. Мне представляется, что общество — словно мицкевичевская лава. Отсылка к цитате из III части «Дзядов» Адама Мицкевича: «Народ наш словно лава: / Он сверху тверд, и сух, и холоден, но, право, / Внутри столетьями огонь не гаснет в нем... / Так скорлупу к чертям — и в глубину сойдем!». Пер. В. Левика. — тоже

подсознательно это ощущает. Сколько денег и пропагандистских усилий было вложено нашими предшественниками, чтобы сделать 4 июня⁴ июня — день свободы и гражданских прав, учрежденный в мае 2013 г. и знаменующий первые после Второй мировой войны свободные парламентские выборы 1989 года. национальным праздником?!

Люди отвергли всех этих шоколадных орлов. Шоколадный орел — аляповатый двухметровый орел из белого шоколада, которого в мае 2013 г. президент Б. Коморовский крайне неудачно использовал в своей пропагандистской кампании. И

предпочитают праздновать 11 ноября¹¹ ноября — национальный праздник независимости в честь восстановления независимой Польши в 1918 году.

— Вам обидно, что вы не стали заместителем председателя ПиС?

— Нет. Мариуш Блашак и Иоахим Брудзинский гораздо больше заслуживают этого и имеют больше прав на выполнение данной функции. Я не ждал кресла заместителя председателя партии, и это никогда не было предметом рассуждений. Во мне много смирения, и я скорее марафонец, нежели спринтер.

Матеуш Моравецкий (р. 1968) — в 80-х деятель оппозиции (в частности, «Борющейся Солидарности», которую основал его отец Корнель), получил во Вроцлаве высшее историческое и экономическое образование, с 1998 г. был связан с «Западным банком», возглавляя его с 2007 г. до осени прошлого года, когда получил пост вице-премьера и министра развития.

1: Подлые, постыдные, грязные нападки

— *Вам никогда не приходилось задумываться над тем, что трансформация, архитектором которой вы были, могла осуществиться как-то иначе?*

— Конечно, приходилось. Например, она могла протекать, как в Белоруссии или на Украине. В Польше был самый значительный рост ВВП среди всех стран нашего региона, и после 1989 года мы в первый раз за последние 300 лет нашей истории стали догонять Запад по экономическим показателям. Разница в доходах среди населения, разумеется, увеличилась, поскольку при социализме она искусственно сдерживалась благодаря запрету на частную собственность, но эта разница не превышает того уровня, который есть в других странах Западной Европы.

— *Вы работали с премьер-министрами Тадеушем Мазовецким, Яном Кишиштофом Белецким и Ежи Бузеком. Какой период был для вас наиболее интересным?*

— С точки зрения условий проведения реформ я выделяю два периода: период исключительной политики и политики нормальной. В первый из них были факторы, способствовавшие реформам, потому что в обществе и среди элиты было понимание того, что социализм, то есть тотальная политизация экономики и общества, был плохим строем. Было понятно, что этот период не может продолжаться вечно, а просуществует еще год-полтора. Поэтому нужно было использовать это время по максимуму для реализации именно таких стратегических, масштабных и кардинальных реформ. Мы провели их подобно тому, как позже это сделали Эстония, Латвия, Литва, а еще позже Словакия. Есть целый ряд исследований, где утверждается, что страны, которые стали проводить кардинальные реформы и не оттягивали борьбу с инфляцией, достигли намного лучших результатов, чем страны, которые тормозили реформы или проводили их слишком долго. В Польше в 1989 г. уровень жизни был сравним с Украиной и Белоруссией. Сегодня между Польшей и этими странами пропасть. Критики польской трансформации не могут назвать ни одной постсоциалистической страны, которая была бы для Польши примером для подражания. Вместо этого на нас льются потоки лжи и необоснованных обвинений. Если бы мы медлили с реформами, то оказались бы в ситуации Белоруссии, где действует, по сути, замороженный социализм.

— *Война в верхах, конфликт между Тадеушем Мазовецким и Лехом Валенсой влияли как-то на вашу деятельность?*

— Лагерь «Солидарности» вместе с Лехом Валенсой первые два года поддерживал трансформацию. Прежде чем проводить реформы, я предупредил, что они будут радикальными. Тадеуш Мазовецкий и правление Всепольского забастовочного комитета выразили на это согласие, а ставший президентом Лех Валенса в первом своем выступлении говорил о продолжении «плана Бальцеровича». Валенса обладает мудростью, позволяющей ему отличать важные вещи от неважных. Он понимал намного лучше, чем некоторые более образованные политики, что частная собственность, экономическая свобода и демократия — это очень важно. Конечно, в 1991 г. было труднее проводить реформы, чем в 1989-м. Во-первых, потому, что усложнялась политическая ситуация: приближались выборы, а во-вторых, 1991 год был труднее с экономической точки зрения, поскольку мы расплачивались за выход из Совета экономической взаимопомощи, что, безусловно, было шагом к свободе. Несмотря на это, всё еще существовало понимание того, что нужно использовать исключительное время, чтобы идти вперед.

— *А второй период?*

— Это были 1997–2000 годы. У нас тогда была коалиция «Унии свободы» (я возглавлял ее с 1995 г.) с Избирательной акцией «Солидарность» (ИАС), которая сама по себе уже была коалицией. Это была непростая политическая система. Но верхушка ИАС вместе с Марианом Кшаклевским выказывала гораздо более высокое гражданское сознание, чем нынешняя партия «Право и справедливость» (ПиС). Никто не спорил с тем, что нужно ускорить приватизацию, реформировать систему здравоохранения, пенсионную систему и систему образования. Благодаря специальной программе мы вывели 100 тыс. шахтеров из непроизводительных шахт.

— *Чем отличаются реформы исключительного периода от обычного?*

— В исключительный период самое важное — действовать быстро, что, разумеется, требует очень хорошего

коллектива с понимающим руководством. В обычное время в условиях коалиции нужно уметь вести переговоры, что у нас в целом получалось более двух лет. Нужно также эффективно влиять на общественное мнение. С самого начала у меня была команда единомышленников, которые очень пристально следили за общественным мнением, и мы часто действовали на опережение атаки.

— ***Получалось?***

— Иногда да. К примеру, в 1998 г. появились требования значительно увеличить расходы на здравоохранение. Тогда мои сотрудники подготовили и широко распространили «Черную книгу растрат в здравоохранении». В результате те, кто выражал недовольство, вынуждены были защищаться.

Если посмотреть с другой стороны, то мы подготовили также хороший реприватизационный закон, который не пропустил Александр Квасневский, вероятно, под влиянием своего советника Марека Бельки. И сейчас мы имеем дело с последствиями этого, потому что реприватизация через суд более затратна. Впрочем, во времена правительства Яна Кшиштофа Белецкого в 1991 г. был подготовлен приличный реприватизационный закон, вот только Сейм был расформирован, и закон принят не был.

— ***В первый период реформации широкую известность приобрела алкогольная афера. Вы помните ее?***

— От ПНР мы унаследовали галопирующую инфляцию, обрушивающуюся экономику, огромный долг и советскую армию, размещавшуюся на западе страны. А группа реформаторов была небольшой. На чем мы должны были сосредоточиться? Спасать государство и экономику от катастрофы или безрезультатно искать скелет в шкафу и тормозить реформы, чтобы ничего не проглядеть? Никто не смог бы одновременно реформировать и предотвращать всевозможные злоупотребления. Даже в странах с установившейся демократией время от времени возникают аферы, а тем более в Польше, которая унаследовала самую большую аферу — социализм. В этой ситуации верхом безответственности была бы заморозка реформ.

— ***А как вы отнеслись к лозунгу «Бальцерович должен уйти»?***

— В любой стране, где проводились реформы, появлялись неприязненные высказывания в адрес реформаторов. Когда я бывал в Великобритании во времена Маргарет Тэтчер, то не раз видел на стенах надписи в ее адрес, которые я не вполне понимал, несмотря на мое знание английского, а мои британские друзья не хотели мне их переводить — так оскорбительны были эти высказывания. Однако ничто не оправдывает этих подлых нападок ни в Великобритании, ни в Польше.

— ***Помните ли вы самое трудное свое решение?***

— Это были решения, которые мы должны были принимать, не имея достаточных данных. Одним из них было установление курса злотого. После внутренних совещаний мы приняли решение, что курс будет составлять 9500 зл. за доллар. И никто не знал, поскольку не мог знать, как долго этот курс продержится, а он продержался дольше, чем мы предполагали.

— ***Почему установить курс злотого было так важно?***

— Это был способ борьбы с галопирующей инфляцией. Когда люди ожидают роста цен, они как можно быстрее тратят деньги, а это увеличивает инфляцию. Поэтому нужно было обеспечить им какую-то точку опоры. Сказать людям, что мы стабилизируем курс злотого — это и было такой точкой опоры. Другим решением, которого нельзя было откладывать, была приватизация. Я — как всякий здравомыслящий человек — знал, что государственные предприятия гнивают, так происходит в любой стране. При социализме все было государственным, поэтому страна переживала упадок. Лично я стремился к более быстрому темпу приватизации, чем тот, которого удалось достичь. Благодаря этому нас ожидал бы более стремительный экономический рост. Но работа над приватизационным законом затягивалась. Он был принят только в июле 1990 года. Сами депутаты понимали, что это — коренной перелом, они встали и аплодировали.

— ***Однако потом приватизация вызвала сильные негативные эмоции.***

— Потому что часть политиков стала оперировать языком белорусского диктатора Александра Лукашенко — стала говорить о приватизации, как о «кормушке». Мы имеем дело со снижением уровня публичной дискуссии, а по сути — с потоком брани и клеветы. Еще во времена правления партии Избирательная акция «Солидарность» удалось ускорить приватизацию. Министр приватизации Эмиль Вонсач прекрасно понимал необходимость этого.

— ***И до сих пор его дело находится в Государственном трибунале.***

— Всем, кто делал что-то полезное во времена приватизации, отказывали потом в уважении и доверии, и это бесчестно. Януша Левандовского многие годы таскали по прокуратурам и судам. А у людей, которые попустительствовали гниванию государственного сектора, волос с головы не упал. Некоторые прокуроры сыграли в этом деле не самую приглядную роль. Гонения на Вонсача были политическим заказом, поскольку, как только партия «Право и справедливость» в первый раз пришла к власти, его дело было послано в прокуратуру Гданьска, которая возобновила следствие, хотя ранее варшавская прокуратура не усмотрела правонарушений в его деятельности. Если бы мы, когда у власти была партия Избирательная акция «Солидарность», не приватизировали банков, то, скорее всего, получили бы такой кризис, какой обеспечила себе Словения. Там охраняли государственные банки, то есть политики решали, кому и на каких условиях выдавать кредиты, а это ведет к растрате вложенных в банки депозитов. Экономика Словении несколько лет тому назад обрушилась. Из исследований Всемирного банка, охватывающих свыше 100 стран, следует, что чем больше процент государственных банков в стране, тем больше риск кризиса. Поэтому если в Польше будет реализован лозунг

«реполонизации», то есть национализации банков, то у нас возрастет риск банковского кризиса. Особенно если осуществлять финансовый надзор будет ПиС.

— ***К последнему кризису 2007 года нас привели частные банки.***

— Не только, еще и политизированные финансовые институты, например, «Fannie» и «Freddie» в США, «Cajas» в Испании, «Landesbank» в Германии. Но что важнее всего — риск кризиса в институтах, связанных с политиками, гораздо выше, чем на частных предприятиях.

— ***А какое было самое трудное решение, не связанное с реформами?***

— Самым трудным было решение вернуться в политику в 1995 году. Я ушел из политики в конце декабря 1991 г. с намерением больше туда не возвращаться. И сделал это с облегчением.

— ***Почему с облегчением?***

— Те два с половиной года были работой в камере давления. У нас было гигантское скопление проблем и относительно небольшая рабочая группа. Администрацию сменить не удалось, поскольку новых людей брать было неоткуда, хотя и появилось много новых. Это была работа под огромным давлением, а любой нормальный человек в какой-то момент устает. Дело даже не в том, что ты мало спишь, а в том, что работаешь в бешеном темпе. Я умею и люблю работать быстро, мне надоедает медленная работа, но и я почувствовал, что устал. Я ушел из политики без намерения возвращаться, и у меня начался хороший период: я провел много времени во Всемирном банке, в Международном валютном фонде, в Европейском банке реконструкции и развития, у меня было много лекций в разных странах мира. Я многому научился и, пользуясь случаем, занялся устройством быта. Мы переехали из Брудно, из нашей трехкомнатной квартиры, в дом в Затишье^{Брудно и Затишье — районы Варшавы.} — Прим. пер. Хотя в Брудно у меня были соседи из разных кругов, и они всегда относились ко мне дружелюбно.

— ***У них не было к вам претензий по поводу безработицы, снижения уровня доходов?***

— Нет. Люди часто думают, что общество реагирует так же, как Анджей Леппер или Ярослав Качинский, но ни тот, ни другой никогда не были представителями общественного мнения. Вернусь к моему возвращению в политику. Всё время я следил за нашей политической сценой, и в какой-то момент возникло предложение, чтобы я поддержал «Унию свободы». Это, кстати, по моему совету название «Демократический союз» было изменено на «Уния свободы».

— ***Чем название «Уния свободы» лучше названия «Демократический союз»?***

— Оно гораздо лучше передавало то, что после социализма нам было нужнее всего. Меня не очень тянуло назад в политику, однако после долгих уговоров я решил вернуться. Я вступил в «Унию свободы», за две недели до съезда в 1995 г. заявил, что буду добиваться руководящей роли, и победил на демократических выборах со значительным перевесом голосов.

— ***Но почему вы на это решились?***

— Я верил, что благодаря этой партии можно ускорить важные реформы, а «Уния свободы» того времени была наиболее близка моим взглядам. Первый раз в жизни я старался реформировать партию, а не экономику.

— ***Получилось лучше или хуже, чем с экономикой?***

— Если бы получилось так же, как с экономикой, «Уния свободы» до сих пор играла бы ключевую роль на политической сцене. А это не так. Однако многое удалось сделать, например, мы усовершенствовали процесс руководства, развили отдел масс-медиа, привлекли в партию разные сообщества. У нас был, например, учительский форум и форум предпринимателей, куда мы пригласили известных предпринимателей, например, покойного Войцеха Инглота. Но, как это бывает в политике, у нас были взлеты и падения. К примеру, непосредственно перед конгрессом «Унии свободы» в 1997 г., то есть в год парламентских выборов, было проведено статистическое исследование, согласно которому «Уния свободы» имела только 5% поддержки, то есть балансировала на границе избирательного порога. Я выступил на том конгрессе и произнес речь, чтобы подбодрить людей.

— ***В итоге ваш результат на выборах был гораздо лучше.***

— Почти 14%.

— ***А почему вы не хотели войти в коалицию с Союзом демократических левых сил (СДЛС)? Они ведь этого хотели.***

— Наши избиратели этого бы не приняли, это было бы большим риском для «Унии свободы». Я тоже этого не хотел. Мы сделали ставку на Избирательную акцию «Солидарность», хотя она не совсем дружелюбно себя вела по отношению к нам, в частности, из-за новой конституции. Тадеуш Мазовецкий и другие политики УС принимали участие в создании этой конституции, а ИАС ее критиковала. Мы сумели произвести трудный маневр, позволивший принять приличную конституцию вместе с СДЛС, а после — осуществлять управление страной с ИАС. Это была очень непростая, но реформаторская коалиция.

— ***Вероятно, сначала вы не были сторонником пенсионной реформы?***

— Это неправда. Просто я не занимался этой реформой непосредственно. Но я предлагал полученные от приватизации деньги направить в Открытый пенсионный фонд, как позднее и произошло.

— ***Вернемся к коалиции с ИАС. «Уния свободы» вышла из правительства до окончания срока. Почему?***

— Со временем стало всё труднее принимать совместные решения, касающиеся реформ, поскольку в самой ИАС происходили центробежные процессы. Появилась группа депутатов, называемая «ячейкой», которая стала выступать против собственного правительства вместе с СДЛС, который был в то время абсолютно железной коалицией. Я отдавал себе отчет в том, что нам грозит экономический «дрейф», представил моим партнерам из ИАС два списка — что следует делать и чего делать не следует — и попросил их написать, согласны они на эти меры или нет. Но ответа не дождался, и это была основная причина расхождения «Унии свободы» с ИАС. Кстати сказать, следствием этой пагубной политики была так называемая «дыра Бауца», образовавшаяся из-за принятия законов, которые привели к чрезмерным расходам. СДЛС после победы на выборах пришлось столкнуться с последствиями этих действий.

— ***Трудно было принять решение о выходе из коалиции?***

— Нет. Я взвесил все варианты: что будет, если мы останемся в коалиции, а что — если выйдем. Если бы мы остались, мы оказались бы в более плачевной ситуации, а если так, то лучше было выйти.

— ***А почему, на ваш взгляд, распалась «Уния свободы»?***

— Это было уже после моего выхода из партии. А вышел я до того, как появилась возможность занять должность президента Национального банка Польши. Я знал, что «Уния свободы», вероятнее всего, окажется в оппозиции, и не видел себя в роли оппозиционного политика. С другой стороны, я чувствовал, что не могу оставить партию в трудной ситуации. Но когда в руководстве партии наметилась альтернатива моей кандидатуре, я ощутил себя свободным от необходимости управлять «Унией свободы». Я не участвовал в выборах нового председателя партии, но все знали, что я поддерживаю Дональда Туска. Во-первых, он был моложе, а во-вторых, был выходцем из «Либерально-демократического конгресса», то есть из партии, программа которой была мне близка.

— ***Вы, конечно, были разочарованы поздним Туском?***

— В 2010 г. у меня не было претензий к его политике, потому что при тогдашнем президенте Лехе Качинском, который был противником реформ, у «Гражданской платформы» не было шансов сделать много. Разочарование пришло после 2010 года. Тогда «Гражданская платформа» стала полемизировать с тезисом о необходимости реформ. Это было глупо и не могло нравиться избирателям «Гражданской платформы». Тогда же был совершен выпад в сторону Открытых пенсионных фондов (ОПФ) Правительство Д. Туска сократило взносы в ОПФ с 7,3 % до 3 % и увеличило пенсионный возраст. — Прим. пер., что было нерационально как в экономическом плане, так и с точки зрения преемственности традиций государства. Вдобавок ОПФ были так демонизированы, как не постыдился бы этого сделать Ярослав Качинский. Он-то, впрочем, полностью поддерживал действия Туска, потому что они вписывались в его образ мыслей.

— ***Какой именно?***

— ПиС старается полностью охватить контролем государственную экономику. Поэтому они заморозили приватизацию, а в банковском секторе даже пытаются ее отменить. Они ограничивают права собственности, примером чего является закон об обороте земель. К этому следует прибавить посягательства на СМИ и давление на Конституционный суд, а также преследования профессора Анджея Жеплинского и других критикующих политику ПиС. В любой из областей общественной жизни мы движемся назад. Вдобавок нас поливают беспримерной пропагандистской ложью, которая фальсифицирует лучший период в истории Польши. Поддерживать такую политику ПиС могут только люди, одурманенные пропагандой, или те, у кого нет совести. Я уже не говорю о том, как Польша выглядит в глазах Запада. Это высшее мастерство деструкции. Западные страны должны задуматься о том, что это за общество, которое отдало власть таким людям. И это вопрос, адресованный полякам.

— ***Спорные вопросы свойственны не только полякам. Британцы вышли из Евросоюза.***

— Можно найти тысячи утешений для нас в нашей ситуации, но что с того? У нас нет более важной заботы, чем вопрос о том, что власти делают с Польшей. Мы не Великобритания, которая никогда не была в оккупации. Мы — Польша, которая после 1989 г. прожила лучшие четверть века за последние 300 лет своей истории. Позволят ли поляки все это уничтожить?

2: Экономическая жизнь

Несколько польских фирм с успехом позаимствовали фирменные бренды из таких стран, как Великобритания, Франция или Швейцария. Например, фирма «Вельтон» из Велюня, производящая полуприцепы и прицепы для грузовых автомобилей и тракторов, поглотила в прошлом году лидирующую на французском рынке фирму «Fruehauf». Теперь оба предприятия действуют под маркой «Fruehauf». Таким образом, польская фирма вошла в европейскую элиту в своей отрасли.

Польская компания «Amica», выпускающая крупную и мелкую бытовую технику для домашних хозяйств и кухонь, объединилась с британским акционерным обществом CDA. Благодаря этому слиянию польский производитель увеличил объем продаж на британском и западноевропейском рынках на 65%.

Наша фирма «Comarch», действующая в сфере информатики, в свое время приобрела часть немецкой фирмы

«SoftMAG», а в минувшем году купила долю в американской компании «Thanks Again LLC», которая сотрудничает со многими аэропортами в Северной Америке. Группа «Новый стиль», занимающаяся производством мебели, приняла в прошлом году торговую марку швейцарской мебельной фирмы «Sitag» — одного из наиболее известных и самых дорогих брендов офисной мебели. В состав ведущего отряда европейских производителей вошел также польский изготовитель бытовой электроники АВ, который объединился с чешской фирмой «AT Computers». (Источник: «Газета выборча»).

Министр внутренних дел Мариуш Блашак приостановил в июле текущего года так называемое малое приграничное движение с Калининградской областью, иными словами, отменил льготы, облегчающие ее жителям въезд в Польшу. Тогда он объяснял это соображениями безопасности на время двух мероприятий, проходивших в тот период: саммита стран НАТО, а также Всемирных дней молодежи. Но встреча руководителей стран НАТО давно закончилась, дни молодежи прошли, а малое приграничное движение по-прежнему не работает. Следовательно, причина введенных ранее ограничений — иначе говоря, усиленная забота о безопасности — уже перестала быть актуальной. «В Польше пугают, что Калининград — это военная база, которая только и ждет, чтобы напасть на вас», — говорит репортеру журнала "Newsweek Polska" калининградский бизнесмен Рустам. И добавляет: «Меня это ужасает, так как безумства по обе стороны границы приведут к тому, что мы действительно станем именно такой базой». Польские предприниматели подсчитывают убытки после приостановки малого приграничного движения с Россией. Поступления от российских клиентов сократились на 80%. Польские предприниматели требуют восстановления прежних льгот для российских клиентов из Калининграда. (Источники: «Newsweek Polska» и «Газета выборча»).

Более чем на 20% сократились — по сравнению с прошлым годом — закупки приграничных клиентов из Белоруссии в польских магазинах. Это вызвано, помимо всего прочего, указом президента Лукашенко, согласно которому общая сумма закупленных гражданами Белоруссии товаров не должна превышать 300 евро, а вес — 20 кг. Покупки сверх этой нормы уже не признаются предметами личного потребления и подлежат обложению таможенными пошлинами. (Источник: «Газета выборча»).

Польская домашняя птица завоевывает китайский рынок. В прошлом году общая стоимость экспорта польских продуктов из мяса домашней птицы в Китай составила 105 млн злотых (около 25 млн долларов). Производители оценивают, что в 2016 г. эта сумма вырастет почти в двадцать раз. Польша — единственная европейская страна, которая соответствует условиям действующих в Китае норм и вправе экспортировать туда курятину и индюшатину. (Источники: биржевой интернет-сервис «Паркет» и «Жечпосполита»)

Польша — один из крупнейших в мире производителей яхт и моторных лодок. В 2016. г. ожидается дальнейший, десятипроцентный рост их выпуска. Представитель Польской палаты яхтенной промышленности и инвентаря для водных видов спорта Михал Бонк сообщает, что польские яхтенные верфи в 2015 г. спустили на воду 17 тыс. моторных лодок и яхт. С каждым годом наши яхтенные верфи поставляют на мировой рынок всё более крупные и дорогостоящие плавсредства, цены на которые достигают нескольких миллионов злотых. Главную часть поступлений польская яхтенная промышленность получает в результате продаж своей продукции в Голландию, Германию, Норвегию, Швецию и Великобританию. (Источник: «Жечпосполита»).

На польском рынке алкоголя продолжается конкурентная борьба между фирмами «Stock Spirits» и «Central European Distribution Corporation». Последняя принадлежит российскому миллиардеру Рустаму Тарико. В настоящий момент она является лидером среди производителей водок в Польше. В августе 2016 г. ее доля на этом рынке составляла 41%. Ранее в течение пяти лет ведущую позицию на нем занимала фирма «Stock». Борьба между этими двумя главными конкурентами ведется за товарный знак водки «Саска» («Саксонская»). Обе фирмы выдвигают притязания на указанный фирменный бренд. Но, прежде всего, идет ценовая борьба, которая вызвана значительным перепроизводством водок, особенно чистых. Для производителей подобных водок одним из способов увеличения рентабельности является, в частности, выведение на рынок так называемых вкусовых водок с меньшим содержанием спирта, а следовательно — с меньшим акцизным сбором. Дополнительный шанс на развитие бизнеса и улучшение финансовых показателей дает также дистрибуция виски, популярность которого в Польше растет. (Источник: «Жечпосполита»).

Вице-премьер Матеуш Моравецкий недавно поставил следующую цель: через десять лет по польским дорогам должен ездить миллион произведенных в Польше автомобилей с электроприводом. Вскоре, однако, подобного рода планы начали урезаться. Из них убрали ускоренное проектирование и производство электромобилей. Пока что должна создаваться инфраструктура, иначе говоря, речь идет главным образом о зарядных станциях. Таким образом, перспективное видение вице-преьера по-прежнему останется всего лишь видением, — пишет Милош

Венглевский в журнале «Newsweek Polska». Дело в том, что Польша пока не может себе позволить конкуренцию с крупнейшими мировыми автостроительными концернами, которые уже далеко продвинулись в производстве электроавтомобилей.

В свою очередь, Анджей Кублик в «Газете wyborчей» обращает внимание на то обстоятельство, что для начала электромобили надлежит внедрить в органах публичной администрации, где они должны составлять 50% парка используемых транспортных средств. Это стало бы хорошим способом популяризации электрических автомобилей. Кроме того, к переходу на электромобили должны подталкивать значительные налоговые льготы для владельцев таких средств передвижения.

— Каким же образом реализовать мечту об электрических автомобилях? — задается вопросом Гжегож Осецкий на страницах издания «Дзенник газета правна». И отвечает: процесс «электрификации» автотранспорта следует осуществлять в три этапа. В 2016–2018 гг. должны возникнуть фундаментальные основы для развития электромобилей. Надлежит, в частности, образовать фонд, финансирующий инфраструктуру для автомобилей с электроприводом. Второй этап предлагаемого плана предполагает установление льгот и поощрений для производителей и пользователей электромобилей. Наконец, третий этап — это постепенное распространение электрического автотранспорта в польских городах, его широкое использование в органах публичной администрации, а также завершение строительства зарядных станций. По мнению экспертов, где-то в конце указанного периода электромобили станут настолько популярны, что не нужны будут уже никакие специальные поощряющие меры.

Е.Р.

3: Хроника (некоторых) текущих событий

- «Семнадцать из двадцати крупнейших торговых сетей в Польше принадлежат иностранному капиталу. (...) Мы продали 90% предприятий розничной торговли, 95% предприятий по производству цемента, 75% банковского сектора. Поэтому моим предшественникам так не нравится, когда я говорю о необходимости укрепить позиции польского собственника. (...) Мы уже миновали период трансформации, которая свелась к тому, что наследники коммунистов вместе с частью элиты, состоящей из экс-деятелей “Солидарности”, построили для себя Третью Речь Посполитую. (...) Государство было присвоено посткоммунистической номенклатурой при поддержке определенной части верхушки “Солидарности”», — Матеуш Моравецкий, вице-премьер и министр развития. («Тыгодник повшехный», 25 сент.)

- «Вторая мировая война и десятилетия коммунистического режима лишили нас среднего класса — не смогли мы создать его и за 27 лет существования Третьей Речи Посполитой. И лишь наше правительство решило помочь этому классу подняться с нижних ступенек социальной лестницы. Благодаря этим усилиям польский средний класс появится в течение 20 ближайших лет. (...) Я бы только приветствовал, если бы британцы попытались немного сдержать очередную волну польской эмиграции. Из нашей страны за последние восемь лет уехали два с половиной миллиона поляков, из которых целый миллион эмигрировал в Великобританию, и в этом для Польши нет ничего хорошего. (...) Польские предприниматели открывают свои фирмы в Великобритании в десять раз чаще, нежели в Польше. У нашего народа есть предпринимательская жилка, надо только создать для этого соответствующие условия. Мы будем стараться упростить экономические процедуры, стимулировать инвестиции и инновации», — Матеуш Моравецкий, вице-премьер и министр развития. («Жечпосполита», 29 сент.)

- «С минувшей среды вице-премьер Тадеуш Моравецкий руководит уже двумя ведомствами — министерством развития и министерством финансов. Он также возглавил вновь созданный Экономический комитет Совета министров (ранее существовавший в 1945-1950 и 1957-1969 гг. — В.К.). Таким образом, Моравецкому удалось сосредоточить в своих руках власть над финансами и экономикой страны». (Зузанна Домбровская, «Жечпосполита», 29 сент.)

- «Моравецкий обзавелся гораздо более мощными инструментами влияния, нежели те, которые гарантировала ему высокая партийная должность заместителя председателя ПиС. В лице 14 замминистров и 65 департаментов ему, в принципе, подчиняется всё, что хоть как-то связано с регулирующей ролью государства в экономике. Вдобавок, возглавляя ведомство по контролю над государственными финансами, он может сам решать, сколько денег ему нужно на реализацию своих планов и откуда их взять. Это стало возможным благодаря использованию юридической лазейки: поскольку Моравецкий не мог одновременно занимать две самостоятельные министерские должности, был создан гибридный пост “министра развития и финансов”, при сохранении самостоятельности обоих ведомств». (Павел Браво, «Тыгодник повшехный», 9 окт.)

- «У экономистов в головах не укладывается, что должность министра финансов, курирующего государственные финансы, вдруг оказалась в польском правительстве лишней, и теперь достаточно суперпремьера, который будет одновременно определять направления финансирования, совершать расходы и контролировать их». (Иоанна Сольская, «Политика», 5-11 окт.)

- «Польша поднялась на целых пять ступеней, заняв 36-е место в последнем рейтинге глобальной конкурентоспособности, составляемом Всемирным экономическим форумом. Это наш лучший результат за всю историю, однако мы по-прежнему находимся в промежуточной группе между странами, конкурирующими между собой в основном в области эффективности производства (а этот показатель тесно связан, в частности, с низкой стоимостью труда), и странами, конкуренция между которыми происходит главным образом в инновационной сфере. Из посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы нас опережают Эстония (30-е место), Чехия (31-е место) и Литва (35-е место)». (Хуберт Козел, «Жечпосполита», 29 сент.)
- «Наша экономика не понесла потерь в связи с санкциями, поскольку нам удалось найти другие, безопасные в политическом отношении рынки сбыта. И хотя в 2015 году, в самый разгар войны, ведущейся в области обмена санкциями, уровень экспорта в Россию был на 2,6 млрд евро меньше, чем в мирном 2012 году, однако общий уровень польского экспорта только по отношению к 2014 году вырос на 8,3%. С 2012 года он увеличивается в среднем на 13 млрд евро в год. Конфликт с Россией никак не влияет на эту динамику, поскольку потери от сокращения торговли на российском направлении восполняют другие страны». (Анджей Талага, «Жечпосполита», 21 сент.)
- «Польская авиакомпания ЛОТ получила согласие России на дополнительные перелеты над Сибирью. (...) С Россией была достигнута выгодная договоренность. (...) ЛОТ намерен развиваться, осваивая новые сообщения с Азией, а это связано с перелетами над Сибирью. (...) Польский перевозчик летает над Сибирью в Пекин и Токио, а с октября начнет доставлять пассажиров в Сеул». («Жечпосполита», 20 сент.)
- Польское морское судоходство располагает 59 судами: 34 зарегистрированы на Багамах, 14 — в Либерии, 7 — на Кипре, 3 — на Мальте, 1 — на Маршалловых Островах, а в Польше — ни одного. «“Если бы в соответствии с сегодняшними правилами наши суда перешли под польскую юрисдикцию, стоимость их содержания возросла бы на 70%”, — полагает Януш Нахаёвский, начальник административно-кадровой службы Польского морского судоходства». (Лешек Бай, Вадим Макаренко, Мариуш Рабенда, «Газета wyborcza», 22 сент.)
- «С 1 января новое военизированное формирование “Геологическая охрана” получит право ношения коротко- и длинноствольного огнестрельного оружия, наручников, дубинок, а также газовых баллончиков и парализаторов. В задачи новой структуры входит борьба с лицами, нелегально добывающими уголь и другие породы в рудниках, каменоломнях и карьерах. (...) “Геологическая охрана” станет частью нового учреждения — Государственной геологической службы, в распоряжение которой перейдет основная часть имущества Государственного геологического института. Это старейший научный институт в Польше, который через три года собирался отмечать свое столетие. (...) Ни в одной цивилизованной европейской стране геологические институты не объединяют с органами управления по добыче полезных ископаемых». (Анджей Кублик, «Газета wyborcza», 20 сент.)
- «По данным Главной комендатуры полиции, за минувшие полгода следственными органами было зафиксировано почти в четыре раза больше преступлений, связанных с получением взяток, чем год назад. Если за первые шесть месяцев прошлого года было выявлено 958 таких правонарушений, то в этом году их количество достигло 3,8 тысяч. Это больше, чем за весь 2015 год, когда случаев так называемой “пассивной коррупции” было чуть более 2 тысяч». («Жечпосполита», 27 сент.)
- «Европейская комиссия решила, что вступивший в силу 1 сентября закон о налоге на розничную торговлю нарушает правила государственной помощи, и рекомендовала приостановить действие закона (...). Согласно данному закону, польские фирмы ежемесячно выплачивали государству определенную часть выручки, полученной от розничной торговли, по трем разным ставкам. (...) “У комиссии имеются опасения, что применение прогрессивных ставок налога, основанных на размере дохода, приносит селективную выгоду предпринимателям с более низкими доходами и в связи с этим, согласно нормам ЕС, представляет собой разновидность государственной помощи». (Из Брюсселя Анна Слоевская, Петр Мазуркевич, «Жечпосполита», 20 сент.)
- «Министр финансов Павел Шаламаха во вторник приостановил действие нынешней редакции закона о налоге на розничную торговлю, вступившего в силу 1 сентября». (Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 21 сент.)
- 29% поляков положительно оценивают то, как правительство руководит компаниями, принадлежащими государственному казначейству. Зато 54% оценило качество управления отрицательно. 17% респондентов не смогли определиться с точкой зрения по данному вопросу. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 23-24 сентября. («Жечпосполита», 27 сент.)
- «Более чем на 30 млрд злотых уменьшилась за последние 12 месяцев рыночная стоимость биржевых компаний, контролируемых государством. Дешевизна некоторых из них побила все рекорды». («Дзенник газета правна», 3 окт.)
- «Главный фондовый индекс Варшавской биржи за последние 12 месяцев снизился на 19,3%». («Газета wyborcza», 22 сент.)
- «Одновременно в двух, трех и даже пяти наблюдательных советах государственных компаний заседают люди из правящей партии». «Одно физическое лицо может состоять в наблюдательном совете только одной компании с участием Государственного казначейства либо органа территориального самоуправления, превышающем 50%. Это черным по белому записано в законе, действующим с 2000 года». (Томаш Юзвик, «Дзенник газета правна»,

27 сент.)

- «Назначениями в управляющие органы компаний с участием Государственного казначейства занимается специальный совет по делам госкомпаний при премьер-министре Беате Шидло». (Артур Ковальский, «Наш дзенник», 5 окт.)
- «Массовое выявление случаев кумовства и политической протекции в государственных компаниях со стороны людей, близких к ПиС, — это в настоящий момент самая серьезная политическая проблема партии Ярослава Качинского, ставящая под удар состоятельность лозунга “Перемены к лучшему”. (...) Почти ежедневно мы узнаем об очередных персонажах, связанных с политиками из правящей партии, получивших хлебные должности в государственных компаниях либо заключивших с этими компаниями выгодные контракты. Медийным и политическим символом человека, который после выборов сделал головокружительную карьеру, не блистая при этом соответствующим образованием и опытом, стал Бартломей Мисевич, пресс-секретарь оборонного ведомства (...) и директор политического кабинета министра национальной обороны Антония Мацеревича. У 26-летнего Мисевича нет высшего образования. Он фармацевт, профессиональный опыт получил, работая в аптеке. (...) Одно время он был уполномоченным министра обороны по вопросам Экспертного центра контрразведки НАТО. (...) Поговаривают, что авторство шуточного лозунга “ТКМ” (“Теперь, курва, мы”) принадлежит нынешнему маршалу Сейма Мареку Кухцинскому. (...) Сегодня это уже не столько “ТКМ”, сколько “Доходные перемены” (двойной парафраз выражения “Достойные перемены”, а также строчки песни “Отчизну свободную верни нам, Боже”, которая в шуточном варианте Анджея Дуды прозвучала как “Отчизну доходную верни нам, Боже” — В.К.) (Витольд Гловацкий, «Польска», 23-25 сент.)
- «Как показывает опрос Института рыночных и общественных исследований от 23-24 сентября, 43% поляков считают, что Антоний Мацеревич должен быть уволен с поста министра обороны». («Жечпосполита», 26 сент.)
- «Министр национальной обороны подчинил себе командование войсками территориальной обороны (другие рода войск подчиняются Генеральному командованию). (...) Сомнения вызывает правовое обоснование создания новых командных структур. Министерство обороны объясняет, что его прямой контроль над войсками территориальной обороны является временной мерой». («Жечпосполита», 27 сент.)
- «Во вторник поздно вечером, не предупредив официальный Париж, за неделю до визита в Варшаву президента Франсуа Олланда, правительство прервало переговоры с французской компанией “Airbus” о поставках в Польшу вертолетов “Caracal”. Для Олланда вертолеты “Caracal” были своего рода проверкой серьезности намерений нашей страны относительно выстраивания европейской политики в области обороны. (...) Франция, самая мощная военная держава Евросоюза, в контексте оборонительной политики отводила Польше особую роль, считая ее одной из немногих стран европейского сообщества, серьезно относящихся к вопросам обороны». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 6 окт.)
- «Президент Франции Франсуа Олланд отменил свой визит в Варшаву в связи со срывом по вине польской стороны переговоров по контракту с компанией “Airbus” на поставку 50 вертолетов “Caracal”». (1 программа Польского радио от 8 окт., цит. по памяти)
- «“Срыв переговоров по контракту серьезно повлияет на дипломатические отношения Франции и Польши, — сообщает агентство “Рейтер” со ссылкой на свой источник во французском МИДе. — Аннулирование контракта вынуждает нас пересмотреть характер нашего сотрудничества с Польшей в области обороны и уточнить, что останется в силе, а что нет”. Источник агентства “Блумберг” во французских дипломатических кругах также информирует, что пересмотрены будут все военные контракты с Польшей». (Бартош Т. Велицкий, «Газета wyborcza», 8-9 окт.)
- «Министр национальной обороны сообщил о том, что небо над Польшей будет охранять ракетная система “Пэтриот”. Это значит, что к 2019 г. оборонный концерн “Raytheon” поставит в Польшу две ракетных батареи. Еще шесть основательно модернизированных батарей придут в Польшу после 2020 года. Решение польского оборонного ведомства дало старт началу переговоров (...) об условиях контракта стоимостью 40 млрд злотых». («Жечпосполита», 7 сент.)
- «Армия готова к переговорам о поставках 1600 ракет “Пёрун” (“Молния”) и 400 пусковых установок. Расходы, связанные с заказом ракет, составят 1 млрд злотых. (...) Правительство решило, что в связи с уникальными техническими характеристиками инновационных ракет “Пёрун” их экспорт пока что будет запрещен. (...) Информация о боевых возможностях ракет “Пёрун” останется тайной. (...) Судя по некоторым параметрам, нам удалось исключительно своими силами создать противовоздушное оружие, превосходящее легендарные американские ракеты “Стингер” и российский ракетный комплекс “Игла”», — считает Анджей Кичинский, главный редактор журнала “Армия и техника”. (Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 3 окт.)
- «В середине 2019 г. пройдут совместные маневры и обучение немецких и польских вооруженных сил в Польше и за нашей западной границей. (...) Польский бронетанковый батальон из 34-й бригады в Свентошуве был оперативно подчинен немецкой 41-й гренадерской бронетанковой бригаде, а один из немецких батальонов, в свою очередь — польской бронетанковой бригаде». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 15 сент.)
- «Генерал Бен Ходжес, командующий американскими вооруженными силами в Европе, на пресс-конференции в Варшаве подтвердил, что Конгресс США уже утвердил финансирование американской военной миссии в Европе. (...) Дивизия, направляемая в Польшу, (...) будет насчитывать 450 боевых машин и 4 тыс. военных. (...) В

Ожише до конца апреля появится подразделение из 800 американских военных, которые образуют так называемую «рамочную» бригаду НАТО. Она будет дислоцироваться на Сувалкском перешейке — 104-километровом отрезке польско-литовской границы, где россияне могли бы отрезать нас от стран Балтии. В марте в нашей стране также разместится военно-воздушный батальон, оснащенный, в частности, вертолетами “Apache” и “Blackhawk”». (Анджей Белецкий, «Жечпосполита», 3 окт.)

- «В пятницу в университете Витаутаса Великого в Каунасе состоялась польско-литовская конференция, приуроченная к 25-летию установления дипломатических отношений между Польшей и Литвой. (...) Ян Парыс, глава политического кабинета министерства иностранных дел Польши, заявил, что польским военным бывает сложно объяснить, почему они должны защищать Литву. “Парадоксально, но ситуация с польским меньшинством в Белоруссии куда лучше, чем в Литве”, — заявил Парыс. (...) “Не понимаю, как можно утверждать, что ситуация с правами человека в авторитарной стране, называемой «последней диктатурой Европы», лучше, чем при устойчивой демократии, каковой без сомнения является нынешняя Литва. Такие заявления оскорбляют присутствующих здесь литовцев”, — парировал высокопоставленный представитель литовского МИДа Роландас Качинскас». (Анджей Почобут, «Газета wyborcza», 19 сент.)
- «64,6% литовских поляков заявляют, что им нравится и даже очень нравится президент Владимир Путин. Критически относятся к нему только 11% респондентов. Об этом говорят результаты опроса, проведенного компанией “Baltijos tyrimai/Gallup” среди представителей национальных меньшинств Литвы». (Анджей Почобут, «Газета wyborcza», 22 сент.)
- «В рейтингах общественного доверия, в которых лидируют скандинавские страны (...), мы занимаем одно из последних мест, опережая лишь Болгарию, Кипр и Словакию. (...) Наше проблемы, связанные с низким уровнем доверия, вызваны, в частности, тем, что мы не усвоили правил честной игры, в соответствии с которыми побеждать нужно не за счет других. Любая теория общественного доверия гласит, что степень этого доверия растет прямо пропорционально пониманию граждан, что у их интересов есть защитники. А это происходит, когда работа правовой системы и органов правосудия характеризуется стабильностью. (...) Ситуация вокруг Конституционного суда — это совершенно ненужный скандал, подрывающий доверие граждан к основам права, а усугубляет ситуацию чудовищный механизм законотворчества, который представляется весьма произвольным. Вместо того, чтобы опираться на демократические процедуры поиска компромисса, механизм этот сводится к диктатуре парламентского большинства. (...) Другим элементом, ослабляющим доверие, выступают подозрения граждан в проявлениях кумовства в сфере госуправления. (...) С точки зрения гражданина, важным условием ощущения безопасности является уверенность в адекватности школьно-образовательной системы. Однако этот фактор нивелируется, когда в результате школьных реформ за парты садятся шестилетние дети, а гимназии ликвидируются», — проф. Петр Штомпка. («Жечпосполита», 10-11 сент.)
- «Мы не прививаем нашим гражданам ценностей определенной политико-правовой культуры, которую можно было бы назвать этикой гражданской ответственности. (...) Мне, как гражданину, хотелось бы, чтобы председателя Конституционного суда все не только знали, но и уважали. Своего рода лакмусовой бумажкой, подающей нашему обществу тревожный сигнал о слабости правосудия, я считаю реакцию масс-медиа на смерть судьи Станислава Домбровского, первого председателя Верховного суда, в 2014 году. Умер один из важнейших представителей третьей власти в Польше, а СМИ отреагировали на эту новость практически полным молчанием», — судья Барбара Пивник, бывший министр юстиции и генеральный прокурор. («Жечпосполита», 8-9 окт.)
- «История с Конституционным судом — это не пустяки. Это фундаментальный вопрос. Наши демократические общества держатся на независимости судей, и с этим нельзя шутить. (...) Мы не требуем, чтобы в каждой стране обязательно был свой Конституционный суд, но если уж он есть, то ему нужно обеспечить независимость. Это касается и других судов. (...) Настоящая идеологическая война происходит в этом мире не между христианством и исламом, капитализмом и социализмом, а между людьми, которые верят в открытое общество, и теми, кто настроен против него», — Франс Тиммерманс, первый заместитель председателя Европейской комиссии. («Газета wyborcza», 1-2 окт.)
- «Важнейший вопрос — приведение президентом к присяге трех судей, выбранных парламентом предыдущего созыва. (...) Хотелось бы подчеркнуть, что это абсолютно принципиальное условие сохранения независимости правосудия и его ключевой роли в предотвращении монополизации власти. (...) Уважение к суду — это основа демократии. (...) Чтобы американское общество и дальше одобряло нашу готовность защищать Польшу, она должна соответствовать образу страны, полностью поддерживающей фундаментальные демократические принципы. (...) Поговаривают о том, что Польша проиграна, что она идет по пути Турции и России. Мы знаем, что это неправда, и президент тоже знает об этом. Но мы также знаем, что в политике оценочные суждения становятся абсолютно реальным фактором, которому нужно противодействовать. (...) Конфликт в связи с назначением судей должен быть разрешен. (...) Появились опасения относительно свободы печати, независимости прокуратуры, статуса неправительственных организаций... (...) Эти опасения носят принципиальный характер, и правительство должно как можно быстрее решить знаковую проблему Конституционного суда, чтобы их развеять», — Том Малиновский, заместитель госсекретаря США. («Жечпосполита», 21 сент.)

- «Необходимо корректировать некоторые решения, но нельзя постоянно переворачивать их с ног на голову. А мы поступаем именно так. Сейчас мы полностью перестраиваем пенсионную систему, разрушаем здравоохранение. (...) Реформируя систему социального и медицинского обеспечения, мы ходим по кругу и в итоге возвращаемся к ситуации более чем двадцатилетней давности. (...) На первый взгляд перед нами сильная, крепкая, решительная власть, которая знает, чего хочет и куда идет. В действительности же она все интенсивнее приводит в движение процессы, которых не в состоянии контролировать и как-то ими управлять. У нее есть определенные цели, однако средства, которые власть использует, не способствуют достижению этих целей. У меня складывается ощущение, что в большинстве случаев мы наблюдаем весьма активную, но при этом хаотичную деятельность. Кто управляет Польшей? Становится все более очевидным, что страной управляет хаос. А в этом случае экономическая деятельность осложняется таким уровнем нестабильности, что люди начинают больше беспокоиться о минимизации потерь, нежели об умножении выгоды. Именно поэтому предприниматели инвестируют свои деньги реже, чем раньше, хотя правительство и провозгласило своей ключевой задачей увеличение инвестиционных капиталовложений», — Ежи Хауснер, бывший вице-премьер и член Совета денежной политики. («Дзенник газета правна», 19 сент.)
- «История учит, что революция должна продолжаться несколько лет, чтобы в стране произошли действительно реальные и глубокие изменения. Мы руководим Польшей всего десять месяцев. Однако первые позитивные результаты нашей работы уже заметны. Я положительно оцениваю этот неполный год», — Ярослав Качинский. («Газета Польска цодзенне», 5 окт.)
- «Наше будущее находится в руках человека, который в своей жизни не путешествовал, не знает иностранных языков, не знает и не понимает, как устроен мир, и какие процессы в нем происходят», — Паулина Вильк. («Газета wyborcza», 10-11 сент.)
- «После 1989 года мы могли предъявлять к нашему государству разные претензии, но оно все-таки развивалось, вступило в ЕС и НАТО — и все это летит к черту из-за одного маньяка. Он — маньяк, поскольку продолжает настаивать, что его брат погиб в результате покушения. Он — маньяк, поскольку заботится только о своих интересах, а не об интересах Польши. Он — маньяк, поскольку пытается построить авторитарное государство и стать его единоличным властителем. (...) Наш вождь хочет, как он сам говорит, навести порядок. (...) В любой стране можно обнаружить такую группировку, как Национально-радикальный лагерь, но только у нас он действует абсолютно безнаказанно. (...) Им позволено выкрикивать на улицах все, что угодно, избивать людей. Более того, разрешая такие вещи, правительство еще и создает себе из этих молодчиков боевые отряды, поэтому все это очень опасно. (...) Господин президент называет их “патриотами”. (...) Они фальсифицируют историю. Оскорбляют Валенсу. Прямо на улице Вейской, перед кафе “Читальник” появился плакат «“Гражданская платформа” — предатели Родины!». (...) Министр культуры Глинский, профессор, убирает из учреждений культуры тех, кто ему не нравится — а это как раз то, чего министр культуры не имеет права делать. (...) Нам создают полицейское государство. Зёбро предлагает давать пять лет тюрьмы за махинации с НДС. (...) И еще говорят, что в Польше демократия, раз можно собираться на улице, и никто не стреляет в демонстрантов. (...) Пока это всё игрушки. А что будет дальше? (...) То, что происходит сейчас в Польше — это безумие, не поддающееся пониманию. Как и в случае с Мандельштамом, непонимание выступает здесь признаком здоровья. Мир неисправим, как писал Монтень. Люди не равны, они отличаются друг от друга и интеллектом, и отношением к морали», — Юзеф Хен. («Газета wyborcza», 8-9 окт.)
- «Около 12 тыс. человек — значительно меньше, чем перед отпускным сезоном — приняли участие в варшавской демонстрации Комитета защиты демократии, прошедшей под лозунгом “Одна Польша — долой разобщение!”. (...) Манифестацию в столице провели также профсоюзы сферы здравоохранения (десятки тысяч демонстрантов), по всей стране также прошли “черные протесты”, причиной которых стал обсуждаемый в Сейме законопроект о полном запрете аборт». («Тыгодник повсехный», 2 окт.)
- «Около 98 тыс. человек по всей стране приняли участие в 143 акциях так называемого “черного протеста”, сообщил главный комендант полиции Ярослав Шимчик. По данным организаторов, количество участников манифестаций могло достигать 150 тысяч. Полиция по всей стране зафиксировала только семь мелких инцидентов, связанных с нарушением порядка». («Газета wyborcza», 5 окт.)
- «Размах и массовость Всепольской забастовки женщин удивили не только правящую партию. Забастовка женщин, состоявшаяся в понедельник, была организована достаточно спонтанно. Протест охватил не только самые крупные города — на улицы вышли также жители небольших населенных пунктов. (...) Забастовка женщин прошла в понедельник, в рабочий день. Не все, кто поддерживал эту идею, имели возможность участвовать в акции лично. (...) Интернет наводнили фотографии из офисов, школ и фирм, где целые коллективы пришли в этот день на работу во всем черном. (...) На время забастовки женщин во многих городах был закрыт целый ряд фирм и организаций, в частности, рестораны, культурные учреждения, пункты оказания услуг, включая автомойки». (Магдалена Островская, «Трибуна», 5-6 окт.)
- «“То, что мы отклонили общественный законопроект о либерализации абортов, было нашей ошибкой”, — признал вчера на заседании парламентской фракции ПиС ее руководитель Рышард Терлецкий. (...) В воскресенье министр иностранных дел Витольд Ващиковский презрительно отозвался о готовящейся манифестации: “Пусть развлекаются, если считают, что в Польше нет более серьезных проблем”. (...) “Хочу

- сказать четко и ясно: правительство ПиС не разрабатывало и не разрабатывает никакого законопроекта, связанного с изменениями закона о запрете в Польше аборт. Такой работы мы не ведем», — заявила вчера премьер-министр Беата Шидло». (Агата Кондзинская, «Газета выборча», 5 окт.)
- «После “черного протеста”, приобретшего неожиданный размах, события стали развиваться с удивительной быстротой: слово взяли епископы, ПиС отказался от заявленной ранее подготовки собственных законопроектов, а созванная после обеда в срочном порядке и без предварительного согласования парламентская Комиссия правосудия и прав человека неожиданно одобрила заявление об отклонении законопроекта “Стоп аборт”. Все это произошло непосредственно перед дебатами в Европейском парламенте о соблюдении прав женщин в Польше». (Зузанна Домбровская, «Жечпосполита», 6 окт.)
  - «Жизнь каждого человека является абсолютной и неприкосновенной ценностью; епископы напоминают, что не поддерживают законопроектов, предусматривающих наказание женщин, совершивших аборт», — говорится в официальном сообщении Конференции Епископата Польши, обнародованном в среду 5 октября. (по материалам «Жечпосполитой» от 6 окт.)
  - «Депутат Кристина Павлович из фракции ПиС в ходе заседания парламентской Комиссии правосудия и прав человека, состоявшегося 5 октября, объявила: “Своим сегодняшним заявлением Епископат уполномочил нас отклонить законопроект”». (Петр Гадзиновский, «Трибуна», 7-9 окт.)
  - Вчера депутаты большинством голосов отклонили общественный проект закона о полном запрете абортов. «За отклонение общественного законопроекта “Стоп аборт”, подготовленного институтом “Ordo Iuris” проголосовали 352 депутата, против — 58, из них более половины принадлежали к фракции ПиС. (...) “Мне непонятно поведение коллег из ПиС. Вы всегда твердили об охране жизни, а теперь отказываетесь от своих слов. Вы лжете”, — заявила Геновефа Токарская, депутат от крестьянской партии ПСЛ. (...) Иоанна Банасюк с парламентской трибуны убеждала депутатов, что вокруг законопроекта появилось множество мифов: “Вы полностью исказили мою позицию, о которой я заявила две недели назад”». (Якуб Оворушко, «Польска», 7-9 окт.)
  - «46 членов фракции ПиС не послушались своего лидера во время голосования по законопроекту о полном запрете абортов». «Ярослав Качинский лично убеждал депутатов ПиС, почему сейчас они должны отклонить общественный законопроект о полном запрете абортов. (...) Убедить удалось не всех. 32 депутата ПиС проголосовали не так, как он хотел, 9 воздержались, а пятеро вынули свои карты для голосования, хотя и оставались в зале заседаний». (Агата Кондзинская, «Газета выборча», 8-9 окт.)
  - «На сайте “Гостя недзельного”, самого популярного еженедельника в Польше, размещены целых четыре материала относительно дебатов об аборте и ПиС. “Такого парада лжи, цинизма и презрения к собственным избирателям, который устроили политики ПиС, давно уже не было в польском парламенте”, — так начинает свою статью “Верх лицемерия” Анджей Граевский. (...) “Маски сброшены”, — заявляет публицист Войцех Тейстер. По его мнению, ПиС охраняет жизни зачатых детей только на словах и “несет ответственность за убийства польских детей в результате абортов в той же степени, что и ранее “Гражданская платформа”. (...) Не слишком выбирает выражения портал “Polonia Christiana”: “Депутаты от ПиС, неизменно ссылающиеся на наставления католической Церкви, (...) явно испугались манифестаций вульгарных абортонисток и европейских леваков. Правящая партия обманула своих избирателей и предала обреченных на смерть детей”». (Себастьян Кляузинский, «Газета выборча», 8-9 окт.)
  - «“Люди почувствовали в себе силу и полны решимости. Я не исключаю даже всепольской забастовки учителей”, — заявляет Славомир Броваж, председатель Союза польских педагогов (СПП). В организованных вчера СПП пикетах против запланированной правительством реформы образования, предусматривающей введение (читай: возвращение — В.К.) восьмилетней начальной школы, ликвидацию гимназий и увеличение срока обучения в лицеях и техникумах на год, участвовало по всей стране более 25 тыс. человек», — Ольга Шпунар. «На фотографиях, сделанных во время манифестации, видны транспаранты с такими, например, надписями: “Нет школе времен ПНР”, “Не хочу возвращения в ПНР”». («Газета выборча», 11 окт.)
  - «Некоторые действия людей из ПиС абсолютно неприемлемы. Если “Гражданская платформа” растаптывала и предавала определенные этические ценности, то теперь у меня складывается впечатление, что люди из ПиС растаптывают человеческое достоинство и вообще не собираются считаться с мыслями, чувствами, желаниями и потребностями человека, и в первую очередь не собираются считаться с его правами. Для нас, представителей Церкви, это сигнал, призывающий быть рассудительными, не дать себя обольстить, не сотворить кумира из какой-либо политической ориентации, программы, а уж тем более политической партии», — о. Анджей Чая, епископ Опольский. («Газета выборча», 21 сент.)
  - Поддержка партий: «Право и справедливость» — 29%, «Современная» — 25%, «Гражданская платформа» — 13%, Кукиз’15 — 10%, Коалиция левых сил — 5%, «Вместе» — 5%, крестьянская партия ПСЛ — 3%, КОРВиН («Коалиция обновления Республики – воля и надежда») — 3%. О своем намерении участвовать в выборах заявили 57% респондентов. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 29 сентября. («Жечпосполита», 31 авг.)
  - «Режим личной власти лидера партии, которая располагает большинством в парламенте и лояльным президентом, стал реальностью», — проф. Антоний Дудек. («Газета выборча», 10 окт.)

- «Президент Дуда и премьер-министр Шидло (...) по-прежнему возглавляют рейтинг доверия ЦИОМа. (...) Президенту доверяют 59% опрошенных, не доверяют — 29%. Беате Шидло доверяет половина респондентов, 34% участников опроса, напротив, не питают к ней доверия. Третье место занимает Павел Кукиз: ему доверяют 47% опрошенных, не доверяют — 24%». («Газета wyborcza», 24-25 сент.)
- «С глубокой скорбью я прощаюсь с Анджеем Вайдой, величайшим художником в истории польского кино, одним из создателей польской киношколы, режиссером, который в своих картинах представил исторический опыт нашего народа и по-новому прочитал канон польской литературы, придав судьбам поляков новый смысл и универсальное значение, лауреатом престижнейших кинематографических наград мира (...) и многочисленных международных кинофестивалей (...), кавалером ордена Белого Орла, ордена Возрождения Польши, французского ордена Почетного Легиона и многих других наград. Президент Республики Польша Анджей Дуда». («Жечпосполита», 11 октября)
- На похоронах Шимона Переса «будет присутствовать Анджей Дуда, президент страны, из которой — с учетом тогдашних границ — происходил Шимон Перес. Будущий президент Израиля, получивший при рождении имя Шимон Перский, появился на свет в 1923 году в Вишневе, в Новогрудском воеводстве (ныне — территория Белоруссии). (...) Польша, заявил Дуда, — это родина большинства еврейских партий, ставших впоследствии израильскими. 61 из 120 депутатов Кнессета первого созыва происходил из нашей страны. Шимон Перес — последний из великих израильских политиков, родившихся на территории Польши. Его место в истории по праву находится рядом с такими польскими израильтянами, как Давид Бен-Гурион и Менахим Бегин». (Ежи Хацинский, «Жечпосполита», 29 сент.)
- В понедельник Анджей Дуда выступил на саммите ООН по проблеме беженцев и иммигрантов. «“Масштабы миграции огромны, в Польше находится около миллиона экономических мигрантов, в свою очередь, из Польши уехало на Запад около двух миллионов поляков”, — заявил президент Польши». («Газета wyborcza», 20 сент.)
- Решением Совета Европейского союза «с 6 октября в Варшаве начинает свою работу Европейское агентство пограничной и береговой охраны. Его сотрудники могут быть направлены на проблемный участок границы Шенгенской зоны даже без согласия страны, на территории которой этот участок расположен». («Жечпосполита», 20 сент.)
- «Кардинал Казимеж Ныч в ходе екуменической молитвы 1 октября сказал, что “помощь беженцам — это великое испытание и проверка нашей веры” и призвал “не усыплять свою совесть, заявляя, что это не беженцы, а всего лишь мигранты”. “Не станем ретушировать Евангелие, склоним свои головы в память о тех, кто шел в Европу и не попал в нее”, — добавил Ныч. (...) Глава Конференции Епископата Польши архиепископ Станислав Гондецкий заявил: “Евангелие призывает каждого из нас, в особенности сегодня, когда многие беженцы переживают трагедию войны и угрозы своей жизни, прийти к ним на помощь, проявить христианское гостеприимство”». (Катажина Вишневская, «Газета wyborcza», 7 окт.)
- «Суд Воломина приговорил Яся Капелю, поэта и публициста, к штрафу в размере 500 злотых (...) за “оскорбление польского народа”. (...) Поэт переработал государственный гимн, изменив в нем четыре строки и припев: “Марш, марш, беженцы, / в Польшу прорвитесь пешими, / с народом и страной / жить одной судьбой”». («Газета wyborcza», 11 окт.)
- Должна ли Польша впускать больше трудовых мигрантов? “Нет”, — ответили 79,1% респондентов, “да”, — считают 11%, “трудно сказать, не знаю”, — 9,9%. В ответ на вопрос, из каких стран Польша должна принять трудовых мигрантов, 87,5% опрошенных назвали Украину, 62% — Белоруссию, 33,3% — Россию, 21,5% — Вьетнам, 16,8% — Китай, 13,8% — Сирию, 8,8% — Афганистан, 1,8% — Ирак. Опрос исследовательского института “Danae”. («Жечпосполита», 12 сент.)
- «В текущем году увеличилось количество инцидентов, связанных с избиениями. Так, побои были нанесены группам украинцев в Кутно, Познани (четыре случая), Белостоке и Андрухове. (...) Нарастающая волна вербальной и даже физической агрессии в отношении “чужих” является следствием реализуемой со все большим размахом политики в области истории. Согласно ее ключевым постулатам, только мы, поляки, были и остаемся жертвами агрессии и происков наших злобных соседей, зато наша многовековая экспансия на восточные территории несла соседним народам одно лишь благоденствие в виде польской культуры и римско-католической веры», — Эугениуш Чиквин, главный редактор. («Пшеглэнд православный», октябрь)
- «“Я живу здесь с 90-х годов, но впервые вижу такой рост агрессии”, — говорит Ярослав, украинец из Пшемысля. “Сын постоянно приходит домой с рассказами о том, как гнались за его знакомой, избивали одного приятеля и обзывали другого. Только за то, что они украинцы. (...) “Реконструкция Волынской резни только подогрела эмоции, — говорит Романа Золотнюк. — Зверя выпустили из клетки. Ожила память о сгоревших деревнях. (...) Вернулся страх. (...) Я все чаще ловлю себя на том, что мне страшно говорить на улице по-украински. (...) Я перестала беседовать с поляками о польско-украинских отношениях. (...) Зато во весь голос заговорили поляки — стойкие и храбрые. Поляки, которым нужен враг. (...) “Сначала была церковная служба, потом (...) мы отправились на кладбище, чтобы возложить цветы на могилы украинских солдат, — рассказывает 28-летний Петр Куцаб. (...) Их ярость вызвала рубашка отца. Это была черная вышиванка с красным шитьем. Обычная украинская национальная одежда. (...) Я поспешил отцу на помощь. Я говорил им: «Это мой папа, оставьте его в покое». Кто-то пнул меня ногой в спину. (...) Они сорвали с отца рубашку, а потом и повязку с

цветами украинского национального флага. (...) Обрывки рубашки валялись на улице. Отец был сам не свой, расстроенный, полуголый». (...) «Глаза тех, кто напал на нас во время процессии, были налиты кровью, — вспоминает украинец из Пшемисля. — (...) Глаза полицейских долгое время смотрели в другую сторону. Мои глаза были мокрыми от бессилия». И добавляет: «С того момента я постоянно задаю себе вопрос: неужели мы снова идем к катастрофе, после которой останется жгучее чувство стыда, а следующие поколения будут возлагать друг на друга вину за нее?»». (Конрад Ожендек, «Газета wyborcza», 29 сент.)

- «Главной причиной геноцида на польских окраинах стало увлечение людей идеями крайнего национализма. (...) Фильм “Волянь” не направлен против украинцев. Этот фильм показывает, к чему может привести крайний национализм. А это уже чертовски актуально. (...) Действие фильма “Волянь” заканчивается в 1943 году. Это авторский фильм, своего рода эпос. (...) История, к сожалению, изобилует примерами того, на что способен человек, вооружившийся соответствующей идеологией и дающий согласие — пусть даже и молчаливое — на совершение преступлений. (...) Я надеюсь, что хотя бы часть украинцев посчитает этот фильм правдивым», — Войцех Смажовский, режиссер фильма «Волянь». («Политика», 21-27 сент.)
- «13 августа о. Яцек Мендляр написал у себя в Фейсбуке: “Заклятые враги католической Церкви, заклые враги всего мира — это еврейский империализм и масоны. Как правило, они действуют сообща, более того, высокопоставленные масоны чаще всего являются евреями. И те, и другие — враги Христа. Они ненавидят его так же сильно, как ненавидят христиан”. 16 августа репортер Войцех Тохман призвал администрацию Фейсбука удалить скандальный пост, вызвавший широкий резонанс. В ответ он услышал, что запись не нарушает правил сетевого сообщества». (Магдалена Кичинская, «Тыгодник повсехный», 25 сент.)
- Белостокская прокуратура закрыла дело о возбуждении ненависти о. Яцеком Мендлярм во время проповеди в Белостоке, где священник служил мессу, посвященную годовщине Национально-радикального лагеря. «Прокурор Марек Чешкевич, возглавляющий Окружную прокуратуру в Белостоке, в качестве обоснования такого решения указал, что священник ссыался на исторические и библейские источники, а также приводил примеры преступлений евреев во время египетского рабства. (...) Национальная прокуратура не собирается предпринимать никаких служебных действий относительно решения Белостокской прокуратуры». (Михал Вильгоцкий, «Газета wyborcza», 29 сент.)
- «Сегодня антисемитизм стал популярной общественной позицией. И меня это приводит в ужас. К примеру, когда люди сжигают чучела евреев. (...) Нынче принято делить поляков на хороших и плохих. Хорошими считаются те, кто слушает о. Рыдыка либо ходят на марши Национально-радикального лагеря», — Рышард Бугайский, режиссер. («Польска», 23-25 сент.)
- «Суд стал на сторону учительницы, которую притесняли за то, что она сняла крест, висевший в учительской». «Трудовой суд в Ополе (...) пришел к выводу, что директор школы (...) нарушила ст. 18 Трудового кодекса, в которой говорится о равенстве работников в их отношениях с администрацией. (...) “В своем решении судья ссыался на показания моих коллег, — рассказывает притесняемая учительница, — которые даже в суде утверждали, что у меньшинства нет никаких прав, и оно обязано подчиняться большинству». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 20 июня)
- Высказывания Болены Решки, директора начальной школы в поселке Гершвальд под Ольштыном: «Только католик может быть настоящим поляком», «Это польская школа, и флаг Евросоюза мне не нужен», «Мы, католики, не будем подчиняться меньшинству», «Задача учителя — поддерживать авторитет священника», «Где же еще мы узнаем правду, как не в храме». (по материалам «Газеты wyborczej» от 29 сент.)
- «По данным полиции, в 2015 году в среднем каждые 7,5 часов в Польше совершалось преступление по этническим, религиозным или расовым мотивам. Это на 40% чаще, чем в 2014 году. (...) В Пшемисле чернокожий мальчик, игравший с другими детьми, подвергся оскорблениям со стороны белого мужчины, который вышвырнул ребенка с игровой площадки. Почти все инциденты подобного рода происходят прямо на улицах наших городов. (...) Свидетели таких нападений, как правило, не реагируют. (...) Все начиналось с “патриотических” маршей в дни национальных праздников. (...) Сегодня манифестации откровенно профашистских организаций уже никого не удивляют», — Ян Менцель. («Газета wyborcza», 10 окт.)
- «Националистическая идеология возвращается. Растет страх перед беженцами и террористами. Масс-медиа буквально сочатся кровью. Сцены жестокости становятся неотъемлемой частью повседневной жизни. В таких условиях школа обязана противодействовать этим тенденциям, воспитывая людей в духе эмпатии, толерантности и партнерства, интеграции и взаимодействия с другими культурами. Однако обещанные «перемены к лучшему» в системе польского образования ведут к диаметрально противоположному результату. Мы начинаем пропагандировать в школах наше национальное превосходство, пугать учеников врагами Польши, идеализировать гибель за родину», — Кристина Старчевская. («Ньюсуик Польска», 26 сент. — 2 окт.)
- «Как же легко перейти эти границы, создав целую систему, в основе которой лежит зло — стоит только некоей политической силе прийти к власти и поддаться этому искушению. Для этого не нужна армия подонков. Достаточно взять на работу в органы безопасности несколько необразованных молодых людей, дать им немного власти, создать хорошие условия для жизни и подождать полгода. Вы получите преданных функционеров, которые пойдут за вами в огонь и воду. И внушить им можно будет все, что угодно», — Петр Липинский. («Газета wyborcza», 29 сент.)

4: Польша как убежище

Польша конца сороковых — начала пятидесятых не выглядит «землей обетованной». Однако для тысяч греков и македонцев, бежавших от последствий гражданской войны у себя на родине, она предстанет безопасным и изобильным местом.

***

После окончания Второй мировой войны, в 1946 году, на волне террора и репрессий против бывших членов левого партизанского движения в Греции вспыхнула гражданская война между правыми сторонниками монархии — которых поддерживали правительства Великобритании и США — и коммунистической Демократической армией Греции. В результате после поражения греческих коммунистов в 1949 году тысячи партизан, а также гражданские лица из контролируемой ими северной части Греции были вынуждены покинуть страну. Они нашли убежище в странах тогдашнего восточного блока: Албании, Югославии, Чехословакии, Румынии, ГДР, СССР, Венгрии и Польше.

Эта группа не была однородной. Среди взрослых беженцев, мужчин и женщин, находились дети — эвакуированные еще в ходе гражданской войны в 1948 году. Крупные сообщества составляли греки и македонцы — автохтонная славянская народность, населяющая северную Грецию (Эгейскую Македонию), была среди них и небольшая группа валахов — представителей субэтнуса романского происхождения.

СПИРО ГАГАЧОВСКИЙ

Родился в 1941 году в македонской семье в деревне Буф в северо-восточной Греции. Его отец был шорником, а семья занималась сельским хозяйством. В детстве он работал на выпасе коров и овец. У него было трое братьев и три сестры.

Высокая часть северо-западных гор вокруг деревни Буф кишела партизанами. На лесистых горах Кострец, Чука, Горнико партизаны построили укрепления. Правительственные войска заняли юго-восточные горы, прикрывая лежащий у их подножия город Лерин (Флорина). Они установили батареи своих орудий на вершинах гор Бигла (Вигла), Калапо и Пешкинката. Деревня оказалась на линии боевых действий. Под покровом ночи партизаны стали устраивать вылазки в деревню за продуктами, одеждой и т.п. Их выдавали собаки громким лаем, отголоски которого доходили до плацдарма греческих правительственных войск на взгорье Калапо. При лунном свете они, как на ладони, видели всё, что происходило в деревне. Наутро в качестве наказания они обстреливали деревню из пушек либо врывались в нее, вытаскивая жителей из домов, запугивая их и избивая прикладами винтовок. [...]

Деревня [...] пыталась как-то жить. Люди, обуреваемые мыслями о том, чего ждать дальше, вспахали и засеяли поля, расположенные в непосредственной близости. Пастухи сильно ограничили территорию выпаса. Владельцы разных заведений стали закрывать свои магазины, кофейни, мастерские... В церкви прекратились службы, но она была открыта целый день. Люди все чаще задумывались, не покинуть ли деревню. [...]

В Буфе принудительный набор в партизаны начался в мае 1947 года. Время от времени в отряды призывали десяток-полтора человек. В июне призвали мужа сестры. Он попрощался с женой и трехмесячным сыном, не предполагая, что уже никогда не увидит его. Партизанским эмиссарам не помешала даже язвенная болезнь дядюшки Симе — в июле и ему пришлось попрощаться с женой, дочерью и годовалым сынишкой. Его забрали. Греки в отместку [...] все чаще обстреливали деревню. Появились первые жертвы среди гражданского населения. Жатва и осенние полевые работы, нередко под градом снарядов, легли на плечи женщин, стариков и детей. Всю деревню охватил страх. Люди начали строить укрытия. Наше, сооруженное во дворе, под яблоней, было небольшим. В нем с трудом помещалось около 10 человек. Сверху его накрыли бревнами, а на них грудой навалили куски гранита. Если потесниться, мы все могли укрыться в нем.

Семьи посмелее приняли решение покинуть деревню и отправиться в Республику Македония, входившую в состав Югославии. Ночью старики и женщины с детьми брали с собой самое необходимое и направлялись по горной дороге в сторону взгорья Кофчек, контролируемого партизанами — и дальше, огибая с запада обезлюдившую и сожженную деревню Раково, пересекали границу на перевале, который вел к Кишовской равнине и деревне Велушина. [...]

В больших городах партизаны начали совершать все более смелые вылазки из своих укрытий и тревожить монархистские силы. Они нападали на военные и полицейские посты, силой захватывали то, что было им необходимо, уводили нужных им людей, особенно врачей и фельдшеров. Войска с удвоенной силой отвечали атаками на беззащитные деревни. Расстреливали каждого, кто сочувствовал партизанам. Жизнь превратилась в кошмар. Люди спасались бегством. Тогда произошли первые организованные отправки детей с территорий, охваченных боевыми действиями, в Албанию и Югославию, а оттуда большинство из них отправляли в страны народной демократии.

[...]

В горах Граммос продолжались бои, а я, как повелось с некоторых пор, пас скот в местах, считавшихся безопасными [...]. Поблизости, вдоль дороги, находились каменные ограждения высотой около метра. В какой-то момент метрах в ста от меня разорвался снаряд. Напуганная скотина преодолела ограждение с левой стороны и побежала через луга вниз, к реке. Я едва успел рефлекторно прикрыть руками голову и присесть под ограждением, как в нескольких метрах от меня разорвался второй снаряд. Меня осыпало поднятой взрывом землей. Я онемел и ненадолго лишился слуха. Испуганный, сидел так добрых несколько секунд. Несмотря на невыносимую боль и шум в ушах, я слышал приглушенные, все более слабые отголоски падавших на деревню снарядов. В воздухе разносился запах пороха. Я поднялся. Взглянул на воронку поодаль, где упал снаряд. Меня охватил еще больший страх. Одурманенный, как будто получив обухом по голове, в рыданиях, я бегом вернулся домой. Выстрелы стихли. Когда я дошел до дому, сбежались все. Мать обняла меня, говорила что-то. До меня ничего не доходило. [...]

Десять дней спустя, в начале августа 1947 года, в деревню явилась группа партизан. Они пришли насильно вербовать шестнадцатилетних парней и восемнадцатилетних девушек. [...] Сестра, испугавшись, спряталась в сено над овчарней, как можно дальше от входа. Через некоторое время в дверь постучали. Вошли трое партизан: македонец и два грека. Изложили свое дело. Мать с дедом ответили, что детей нет. Те начали кричать, трясти их, наконец бить. Потом обыскали весь дом и спустились вниз. Тетка и вторая сестра забрали нас в спальню. В страхе мы стояли у окна, устремив взгляды на двор и овчарню, которую обыскивали партизаны. Потом один из них залез по лестнице и встал у входа над овчарней. Заорав, он несколько раз ткнул штыком в грудь сена. Он спустился, и все вернулись к террасе, где стояли дед с матерью. Снова раздались крики.

В какой-то момент мы увидели, как мать вывели на середину двора. Они поставили ее в нескольких метрах перед собой, под яблоней, намереваясь расстрелять. Мы подняли ужасный крик вперемешку с плачем. Появился еще один партизан. Он что-то сказал тем двум, самым агрессивным. Они еще немного поорали какие-то угрозы, но в конце концов все-таки ушли. Мать, ошеломленная, по-прежнему стояла под яблоней. Подошел дед, взял ее под руку и увел. Они сели на ступеньки. Оба плакали, как и все мы. Наутро сестра украдкой подалась в Лерин, а под вечер мать расхворалась. Две недели спустя, 15 августа, она умерла. [...]

Жители Буфа массово покидали деревню. С начала военных столкновений и до середины октября оттуда ушло больше половины жителей. [...]

Через какое-то время, под вечер, мы слышали рокот и заметили в небе два самолета. Мы все были дома. Мы побежали в укрытие. Деревню начали бомбить. Каждый миг до нас доносились отзвуки взрывов бомб, а потом тревожные крики людей и громкий вой животных. Не прошло и получаса, как самолеты улетели. Мы выползали из укрытия. Напротив нашего дома мы увидели зарево пожара. Пылала овчарня и сарай наших родственников, дедушки Йована Гагачова. Крики и плач людей смешались с тревожным блеянием овец, воем коров и других животных, сгоравших живьем. Мы стояли, остолбеневшие и беспомощные. Никто не сумел помочь гибнущим существам. Через полчаса остались лишь пепелища и скелеты сгоревших животных, над которыми поднимался неопишуемый смрад и дым. Ни одно животное не спаслось. Это была самая трагичная по своим последствиям атака на деревню. Сгорело более десяти дворов. Погибло 38 человек и в несколько раз больше животных. Раненых людей и животных никто не считал.

На следующее утро дед решил: «Мы покидаем деревню!». Но куда? В Битола^{Битола — город в юго-западной части Республики Македония. — Прим. пер.?} Нет, ведь граница закрыта. В Лерин? Тоже нет, так как члены нашей семьи в партизанах. Это было бы слишком опасно для деда, тетки и сестры. Итак, оставался только запад, территории, контролируемые партизанами.

С самого утра дед принялся рыть яму во дворе, прямо возле угла дома. Мы спрятали в ней мешки с самыми ценными вещами и засыпали яму. Менее ценное мы сложили в укрытие, вход в которое тоже засыпали. Под вечер дед с братом Доном оседлали осла, прикрепили у него с боков две большие плетеные корзины, уложили спереди и сзади от седла два больших шерстяных покрывала, а на седло мешок с продуктами и необходимыми вещами. В одну корзину посадили малышей: двухлетнего Гоче и трехлетнего Цане, а во вторую самого младшего брата Эндрия, который болел полиомиелитом и с трудом ходил. Ворота мы оставили открытыми, чтобы животные могли утром выйти. Я попрощался с собакой, погладив ее за ушами. Она чуяла, что мы ее оставляем. [...]

После захода солнца мы двинулись на запад, в горы, к перевалу на вершине Пенеригата (2025 метров над уровнем моря). Вместе с нами шло еще несколько семей. Ночь была безоблачной. Светила луна. Мы опасались, что нас заметят и атакуют с воздуха, поэтому спешили. Перед рассветом мы достигли перевала. Сразу после него мы остановились, чтобы отдохнуть и немного вздремнуть. Мы чувствовали себя в относительной безопасности. Солнце было уже довольно высоко, когда мы снова отправились в путь, вниз по склону горы, а потом вдоль реки к деревне Герман (Агиос Германос в Северной Греции). По пути мы останавливались еще несколько раз. Опухшие ноги давали о себе знать. К вечеру мы уже были у цели, в Германе. [...]

В начале мая 1948 года в Германе приступили к организации очередной операции по спасению детей в возрасте 2-14 лет с территорий, охваченных гражданской войной. Велась широкая агитация среди опекунов, целью

которой была эвакуация детей в страны народной демократии. Буфская община довольно скептически относилась к этой операции. Агитаторы посетили и нас. Долго разговаривали с дедом, теткой и сестрой. Через несколько дней партизаны организовали пропагандистский праздник для местного населения, а прежде всего, для беженцев, которые, как и большинство, уже вдоволь хлебнули этой войны. Более десятка семей из Буфа, в том числе и нас, привезли на машинах. Там было несколько десятков молодых партизан и партиzanок, а также несколько сот женщин, стариков и детей. Партизанский оркестр играл народную танцевальную музыку. Партизаны танцевали, а в перерывах пели патриотические песни. [...]

В середине июня приехали два закрытых брезентом грузовика. Они остановились на площади перед церковью. По деревне быстро разлетелась весть об эвакуации буфских детей. Каждую семью, дети из которой значились в эвакуационном списке, по очереди посещал агитатор с двумя партизанами, которые должны были сопровождать нас до Албании. Они успокаивали сомневающиеся семьи, рисуя перед ними и старшими детьми чудесные картины. К вечеру первые семьи стояли на площади рядом с автомобилями. Явилась в полном составе и наша. Среди собравшихся царило серьезное и подавленное настроение. Никто не радовался. Дед, сестра и тетка держали нас при себе. Кажется, у них были сомнения, правильно ли они поступают. Они размышляли, не отказаться ли от принятого решения. К деду подошел один из партизан. Они долго беседовали, точнее, он говорил, а дед слушал. Агитатор встал между машинами и начал вызывать нас по списку, в котором были имена 32 детей и двух опекунов. [...]

Переключка закончилась. Грусть перешла в плач. Наши тоже плакали. Я смотрел на дедушку. По его щекам текли слезы, исчезая под усами. Было удивительно, откуда у этих людей, после стольких страданий, еще находились силы, чтобы плакать. Дед все смотрел на нас, предчувствуя, что больше нас не увидит. Зарычали автомобильные моторы. Борта закрыли, и машины поехали. Мы смотрели на удалявшиеся фигуры людей. Плач становился все тише, пока, наконец, не умолк. [...]

И вот грузовики, в которых ехали в неизвестность дети из Буфа, остановились неподалеку от городка Приенес в Албании. Сопровождающие в партизанской форме откинули брезент, опустили задние борта и объявили: «Приехали, вылезайте». На детей, лежавших в кузовах автомобилей, упали первые утренние лучи солнца. Мы поднялись. Распрямили затекшие конечности. Стоя в машинах, мы смотрели по сторонам. Перед нами, на совершенно пустом месте, у подножия голого горного массива, стоял десяток больших деревянных бараков без полов, окон и дверей. Эти бараки во время итальянско-албанской войны 1939 года служили располагавшимся в Приенесе итальянцам в качестве конюшен и складов. Наступила тишина. Ее ненадолго прервали произнесенные почти шепотом слова моего пятилетнего брата, обращенные к его сверстнице Поце: «Поца, вставай, свобода пришла». [...]

Мы молча стояли у грузовиков и смотрели на просыпавшуюся среди бараков жизнь, напоминавшую лагерь кочевников. Мы ждали сопровождающего, который направился в ту сторону. Подошла небольшая группа здешних женщин и детей и встала в нескольких метрах от нас, внимательно к нам приглядываясь. Наконец сопровождающий вернулся в обществе прихрамывавшего мужчины в партизанской одежде. Тот был греком. Сказал нам несколько патетических слов, которые переводил сопровождающий, и мы пошли к первому барaku с краю. Нам велели войти внутрь, в большое помещение, где вдоль стен был в форме подковы сколочен из сырых досок деревянный помост шириной около двух метров. Нам объявили, что все мы будем жить здесь. [...]

В полдень нас позвали к одному из бараков, где на костре, в большом котле, готовили пищу. Младшие дети получили половинную, а старшие целую пайку хлеба и, соответственно, половину либо целый половник теплого блюда в «манерке». Обычно это был баклажанный суп без соли и без вкуса (отвратительный!), фасолевый или картофельный суп, сваренный на сале или мясе из консервов. Иногда по вечерам или по утрам нам доставалась дополнительная порция хлеба с мармеладом либо овечьим сыром. [...]

Лето было в разгаре, стоял жаркий август. Однажды утром по дороге проехала огромная колонна пустых, не покрытых тентами, серых грузовиков. Они направлялись к греческой границе. Под вечер колонна возвращалась. Машины были переполнены партизанами. Они ехали, не останавливаясь, в направлении Приенеса и Эльбасана. [...] На эти несколько дней в лагере воцарилось настроение подавленности. Мы даже не заметили, что нам еще сильнее уменьшили рацион питания. [...]

Спустя несколько дней, однажды утром, к нам неожиданно нагрянул отец. Мы не виделись больше года, с момента его мобилизации на службу к партизанам. Радость была огромной. Возможно, за десять дней до этого я, на самом деле, видел его в колонне автомашин с партизанами. Отцовский отряд после проигранного партизанами сражения отступил в Албанию. Там, после нескольких дней пребывания под Корчей и неудачного контрнаступления, их перевезли поближе к партизанскому учебному лагерю под Приенесом. Во временном лагере, без крыши над головой, собралось, по слухам, 2-3 тысячи партизан. Там их разоружили. Он узнавал о нас у командования. В конце концов ему сообщили, что мы находимся в гражданском лагере по Приенесом. [...]

В начале октября отец попрощался с нами. Снова комок в горле и горькие слезы. Его забрали. Он не знал, куда едет. [...]

Был разгар осени 1948 года. Начались дожди. Барак протекал со всех сторон, особенно с крыши. Ночи становились все длиннее и холоднее, а дни — все более серыми и короткими. В конце октября нам, наконец, сообщили: «Уезжаем!». Но куда? Победители в войне не собирались требовать нас назад и так и не сделали

этого, а те, что нас забрали, не намеревались нас отдавать. Но отъезд так отъезд, тем более что он давал новую надежду. Мы быстро уложили свои скромные пожитки. [...] Мы отправились в путь по бездорожью Албании. Перед заходом солнца машины остановились и на них откинули брезент. Мы сидели в грузовиках еще с полчаса. Стало холодно. Кто-то заметил: «Эй, там вода!». Вскоре машины двинулись в ту сторону. Чем ближе мы подъезжали, тем больше воды было видно. Мы оказались в каком-то морском порту. Подъехали к огромному судну. [...] После недельного путешествия в погоне за солнечным закатом судно остановилось. Прежде чем это произошло, нам велели спрятаться. По лестницам, с палубы на палубу, мы шли за двумя мужчинами вниз. Спустились в машинное отделение и уселись в указанном месте, на полу у стены. Мы ждали примерно час, пока в машинном отделении вновь не раздался гул, и судно медленно тронулось. Оно шло потихоньку около часа, после чего опять остановилось. Вскоре оно снова двинулось, но уже полным ходом. Через четверть часа после этого мы вернулись на палубу. Нам вновь пришлось расстилать наши убранные постели. [...] Спустя годы мы узнали, что поочередно проходили заминированный, контролируемый англичанами Гибралтарский пролив, по которому могли пройти только под их надзором, и канал Ла-Манш. Было похоже, что нас — детей исхода — нелегально провозили «контрабандой». После двухнедельного путешествия, ближе к полудню, мы приближались к суше. Издали виднелись очертания большого города. Это была Гдыня. Это была Польша. Никто из нас никогда не слышал ни об этом городе, ни об этой стране.

Спиро Гагачовский вначале попал в санаторий для греческих и македонских детей в Душники-Здруе, затем в государственные воспитательные центры и школы в Згожельце, Шклярской-Порембе, Плаковице, Полице и Щецине. Окончив Щецинский политехнический институт, он работал на месторождениях меди в Нижней Силезии. На пенсии написал воспоминания «Прощание с родиной» (Любин 2009), из которых взят публикуемый фрагмент. Живет в Любине.

ФАНИС БИСТУЛАС

Родился в 1930 году в деревне Мазараки в Эпире, в северо-западной Греции. Присоединился к партизанам в 1948 году, принимал участие в крупнейших столкновениях с правительственными силами за горный массив Граммос. С ранением в живот попал в госпиталь для греческих партизан в албанском городе Гирокастра.

Это было 12 июля 1949 года. Вечером нас накормили обильным, как никогда, ужином. Потом, когда было уже темно, к барaku подъехали военные грузовики, крытые брезентом. Раненые начали выходить из барakov и собираться на площади. Кто-то называл номера, люди садились, и машины уезжали. Пришла моя очередь. Я залез в машину, тент в ней был опущен и хорошо зашнурован. Как долго мы ехали, я не помню. [...] Когда я вылез из машины на площадке у порта [Дуррес в Албании], то впервые в жизни увидел море вблизи. На рейде стояло огромное судно [«Костюшко»]. Мы по очереди забирались в ящик или корзину, а кран поднимал нас на верхнюю палубу. Оттуда нас забирали люди в белых халатах и вели по крутым лестницам вниз, на первую и вторую палубы. Меня положили на первой — здесь помещалось более 350 кроватей, на каждой лежало по два одеяла. Это были раскладушки, прикрепленные к палубе. [...] Размещение всех раненых (около 750 человек) продолжалось всю ночь. Под утро судно начало отходить от берега. Я узнал, что мы плывем по направлению к Африке. И всё, больше никто не хотел ничего говорить. [...]

Один из греков, знавший русский язык, наконец узнал, куда мы плывем. Он разговаривал с моряками, а потом переводил всем нам. Оказалось, что в Польшу. Не знаю, скольким из нас было известно, где эта страна. Мы только узнали, что это большое и богатое государство, не в пример бедной Албании, что в Польше много хлеба. [...]

Так как мы постоянно плыли на север, то становилось все холоднее, и наше руководство потребовало вернуть одежду, которую у нас забрали. Это была большая груда одежды, а людей несколько сотен. Конечно, никто не мог найти своих вещей, так что брали что попало, лишь бы подходило. Я подошел к этой куче в самом конце, когда почти ничего не осталось. Только какие-то разбросанные кальсоны и тулуп. Взял, что было. [...] Мы были всё ближе к цели, и нам становилось все холоднее, несмотря на то, что стоял июль. Небо пасмурное, часто шел дождь. Такой сильный контраст, сильная климатическая перемена, происшедшая за какие-то две недели. Но нам это не мешало, мы не обращали на это внимания. Для нас самым важным было, куда мы плывем, и как там будет. Мы думали только о лечении, чтобы как можно скорее выздороветь. К этому холодному климату нам нужно было привыкать, пусть это и нелегко. Но нам говорили, что в Польшу мы плывем ненадолго, чтобы подлечиться и вернуться в нашу прекрасную, теплую страну. Это укрепляло наш дух. Конец путешествия наступил неожиданно. [...] Когда утром я проснулся, большинство людей уже вывели. Я вышел на верхнюю палубу. Солнце уже взошло, стоял туман, но было довольно тепло. Судно остановилось на рейде примерно в полутора километрах от берега. На суше были видны какие-то рыбацкие домишки, к судну подплывали несколько лодок, принимали людей и отвозили на берег. [...] Там ждали военные грузовики с

белыми тентами. Они забирали людей из лодок и отъезжали по асфальтовой дороге. По обеим ее сторонам виднелся сосновый лес. [...]

Мы долго стояли на берегу. Смотрели то на море, то на песчаные дюны. Вдали мы видели какие-то заброшенные дома. Все это было для нас чуждым, неприветливым. Больше всего докучали комары, которые кусали лицо. [...] Большинство из нас впервые оказалось вне Греции. Мы неожиданно попали в другие климатические условия. Но самое главное — подальше от войны, в безопасное место, где не слышны выстрелы. Мы были в стране, в которой царило спокойствие и в которой много хлеба. [...]

Нас привезли прямо к воротам большого здания [военного госпиталя № 250 в Дзивнуве]. Вспомогательный персонал сразу же провел нас в столовую. Столы были уже накрыты. На них находились корзинки с ломтиками хлеба, блюдечки с маслом, тарелки с твердым мармеладом, нарезанным кубиками, и все столовые приборы. Посредине стояли большие посуды, в которых был кофе с молоком. [...] Мы не знали, за что сперва братья, для чего служат все эти предметы: бокалы, тарелки, ножи и вилки. Переглядывались, робко принимаясь за еду. Персонал постоянно всего подкладывал. Мы были голодны с дороги и хотели пить. На судне было недостаточно продуктов, не хватало питья. [...] Видя, что никто не собирается заканчивать трапезу, греческие распорядители стали выгонять нас из столовой. Они выкрикивали номера, которые мы получили на судне, и велели построиться перед зданием, где ожидали грузовики. [...] Прежде чем попасть в свои отделения, нам пришлось пройти через большой зал с перевязочными столами. Врачи и медсестры вызывали каждого по его номеру. Нам нужно было раздеться, они осматривали и перевязывали раны. Старую одежду забирали и бросали в кучу. Мы получили новые рубашки и пижамы. Врачи обследовали каждого и направляли в соответствующее отделение. Меня определили на общую хирургию. [...] Общение с персоналом происходило через переводчиков, так что вся эта процедура затянулась на несколько часов. Когда за мной уже закрепили кровать, медсестра велела мне искупаться. Впервые в жизни я видел такую роскошную ванную. [...]

В собрании на площади [в первый день] принимало участие большинство греческих раненых и, несомненно, весь персонал. Все было хорошо организовано. Мы начали верить, что попали в хорошие руки, что эти люди не только хотят, но и наверняка смогут нам помочь. Мы встретились на этой площади, чтобы поближе познакомиться. Руководство госпиталя даже привезло какой-то оркестр, моряки играли на аккордеонах. Вначале мы чувствовали себя неуверенно. Поляки стояли по одну, а мы по другую сторону площади. Вдруг какие-то польки посмелее начали приглашать нас танцевать. Так начался прекрасный танцевальный вечер, который продолжался допоздна. Греческий комитет тоже старался не ударить лицом в грязь. Нам хотелось показать, что мы тоже умеем играть на музыкальных инструментах и танцевать. У нас был грек, который играл на кларнете. Его посадили на стул и танцевали вокруг него. [...]

На другой день после приезда был первый врачебный обход. Заведующим в нашем отделении был хирург Хаусман. В течение десяти месяцев у меня было много таких врачебных обходов, но этот был самым важным. [...] У меня сразу возникло доверие к доктору Хаусману. Я верил, что он меня вылечит. Во время этого обхода доктор попросил через переводчика, чтобы я рассказал свою историю. Спрашивал, когда и где я был ранен, и как меня лечили. Доктор слушал меня, время от времени потягивая носом, и кивал головой. Я обратился к переводчику с просьбой, чтобы доктор сказал мне, возможно ли «залатать» дыру в моей толстой кишке. До сих пор все говорили, что сделать это не удастся. Когда я говорил это, я заплакал. Для меня это был самый важный вопрос. Я был молод, хотел жить нормально. Мне стало представляться, какой кошмар я буду переживать с такой раной. Все это происходило в перевязочной. Доктор тщательно осмотрел рану. Улыбнулся и сказал, что все будет хорошо. Переводчик повторил это несколько раз. Поскольку я испытывал доверие ко всему персоналу, то уже не сомневался, что меня вылечат.

Фанис Бистулас покинул госпиталь в Дзивнуве в июле 1950 года. Ненадолго он оказался в Згожельце, а затем во Вроцлаве, где работал на кирпичном заводе. Окончив горный техникум в Валбжихе, устроился на работу в Нижнесилезское предприятие горнопромышленного оборудования, где проработал 30 лет. Свои воспоминания он выпустил в книге «Из Греции в Польшу» (Нова Руда, 2004), из которой взят публикуемый фрагмент. Умер в 2004 году.

ВЛАДИСЛАВ БАРЦИКОВСКИЙ

Хирург-ортопед, офицер Войска Польского, годы жизни 1916-2015. В июне 1949 года в качестве заместителя командира по лечебным вопросам руководил секретным хирургическим военным госпиталем № 250 в Дзивнуве, предназначенным для лечения беженцев из Греции, прежде всего партизан.

25 июля 1949 года судно пришвартовалось в порту Свиноустье. [...] Накануне утром командир госпиталя полковник [Рышард] Каминский приказал подготовить несколько сот одеял, напитки в банках из-под молока и много бокалов. Все это погрузили на грузовики и ждали наготове. В колонну также включили все санитарные машины, бывшие в распоряжении части. Несколько часов колонна стояла неподвижно. Приказ выдвигаться не

поступал. День заканчивался. Все уже думали, что тревога была преждевременной. Однако вечером со стороны штабного здания появился газик сопровождения. Колонна тронулась. Все вздохнули с облегчением, устав от ожидания. Кавалькада машин миновала пост в Мендзывудье. Теперь дорога вела в порт. [...]

Ночью вся процессия въехала в порт. На рейде стояло огромное судно. На рассвете началось движение. Когда приступили к выгрузке, было холодно и еще темно. Тяжелораненых помещали в специальные клетки, которые переносили с палубы краном. Они немного мерзли во время этого короткого путешествия над судном, пока не оказывались на суше. Там возле них сразу же появлялись какие-то люди в неизвестной им форме, заботливо укутывали одеялами, укладывали на носилки и грузили в санитарные машины, которые тут же уезжали. Все пациенты потом подчеркивали, что первое впечатление было очень благоприятным. Внимательная опека, которой их окружили, придала им бодрости после периода неопределенности. Они чувствовали, что попали в хорошие руки.

Прибывшие выглядели необычно — одеты наполовину в гражданское, наполовину в военную форму, их пилотки походили на американские. Они были грязными, заросшими, запущенными и грустными. Ничего не говорили. Производили впечатление удивленных и неуверенных. Они с любопытством присматривались к стоявшим на берегу солдатам, некоторые вопросительно ощупывали их воинские знаки различия. У тяжелораненых были лишь временные перевязки — грязные окровавленные бинты и тряпки. Из-под них виднелись гниющие раны. Было похоже, что на судне не хватало перевязочных средств, а у тех, кто делал перевязку, были неумелые руки. У некоторых бросались в глаза деформации конечностей. [...] Впечатление было сильным — картина нищеты и отчаяния. После завершения операции машины быстро покинули Свиноустье. Они проехали через пустое Мендзыздое, прежде чем курортники успели проснуться.

Первая транспортировка стала сильным переживанием для персонала госпиталя. Мы давно готовились к ней. Я волновался, прежде всего, по причине ответственности, которая на мне лежала. [...] Мы облегченно вздохнули, когда первые санитарные машины подъехали к отремонтированному концертному залу, превращенному в распределитель. Все оживилось, беспокойство прошло. [...]

Эти в большинстве своем простые люди пережили ад. Они приехали измученные, исхудавшие и больные, часто изможденные длительными страданиями. Плохо зафиксированные конечности причиняли им боль при каждом движении. У многих был жар. Некоторые тяжелобольные были даже не в состоянии радоваться окончанию путешествия. Но в основном они старались этого не показывать. И лишь немногие внешне проявляли недоверие. [...] Не все хотели сдавать оружие, хотя им объяснили, что они отдают его просто на хранение. Они были привязаны к своим пистолетам и партизанским обрезам. [...]

Они лежали на кроватях, поставленных рядами по обе стороны огромного зала. С восхищением рассматривали груды тазов для мытья, графины с водой, стопки пижам и тапочек, банки из-под молока, наполненные напитками. Некоторые преодолевали рефлекс брать еду про запас, под подушку. А вдруг завтра не будет, как это случалось в партизанах. Но из происходящего вокруг они могли сделать вывод, что эта страна богаче тех, в которых они находились раньше. [...]

Труднее всего нам было найти общий язык с нашими пациентами. В первые часы знакомства много недоразумений возникало из-за того, что жесты подтверждения и отрицания у греков и поляков имеют противоположное значение. Слово «нэ» и качание головой означало подтверждение, тогда как «охи» и кивок — отрицание. Иногда это вызывало, особенно у более тяжелых больных, нетерпеливые жесты. Однако большинство пациентов без слов понимали указания сестер, которые порой сопровождались грубоватыми, доброжелательными тычками, со смехом воспринимавшимися обеими сторонами.

Источник: Владислав Барциковский. Греческий госпиталь на острове Волин. - Щецин 1989.

***

Люди прибывали из Греции в Польшу в несколько этапов и разными путями. Первыми приехали дети — в три приема в 1948 и 1949 годах, привозимые по большей части поездами из временных центров, прежде всего из Румынии. Для них подготовили воспитательные центры на курортах Нижней Силезии, в частности Лондек-Здруй, Щавно-Здруй и Мендзыгуже. В 1949-1950 годах в Польшу прибывали взрослые, в основном морским путем из албанских портов — в Свиноустье, Дзивнув и Гданьск. Оттуда раненых перевозили в госпиталь № 250 в Дзивнуве на острове Волин, а остальных поездами до Мендзыгуже или Душники-Здруя. После 1950 года в результате операции Красного Креста по воссоединению семей до Польши добралось еще несколько сот беженцев. В результате этой акции в 1955 году их было здесь уже более 15 тысяч, в том числе 7410 македонцев, 7357 греков и 448 валахов По данным: A. Slabig, Aparat bezpieczeństwa wobec mniejszości narodowych na Pomorzu Zachodnim w latach 1945-1980, Szczecin 2008.

В первые годы пребывание беженцев в Польше было строгой государственной тайной, а внутри самой группы царили чеходанное настроение и готовность к дальнейшей борьбе. В 1950 году греков и македонцев собрали в Згожельце, где для детей были созданы школы, а для взрослых рабочие места и дома-интернаты. Однако со временем, когда ослабла пропаганда Коммунистической партии Греции, призывавшая к немедленному возвращению на родину, организационные структуры беженцев стали расширяться, а сами они

интегрироваться с польским населением и адаптироваться к новым условиям. Был создан Союз политических беженцев из Греции в Польше со штаб-квартирой во Вроцлаве, начала выходить собственная газета. Уже в первой половине 50-х годов многие взрослые были трудоустроены на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях в Нижней Силезии и Бещадах. В 1951 году македонские и греческие дети были устроены в воспитательный центр в г. Полице, а затем в польские средние школы. Трудно определить, сколько бывших беженцев живет сейчас в Польше. Большинство македонцев еще в 60-е эмигрировало в Югославию либо Болгарию, а оттуда в Канаду, Австралию и США. Политические перемены в Греции, начавшиеся после падения военной диктатуры в 1974 году, сделали возможным возвращение беженцев на родину. Те, что остались в Польше, приняли польское гражданство и интегрировались с польским обществом.

Анна Курпель (р. 1985) — этнолог и антрополог культуры, кандидат исторических наук, автор книги «Четыре фамилии, два имени. Македонские военные беженцы в Нижней Силезии» (Познань, 2015). Проводит исследования культурного наследия Нижней Силезии, работает в Польском этнологическом обществе и фонде «Стрекоза» Вроцлавский фонд «Стрекоза» (Fundacja Wążka) занимается вопросами сохранения культурного наследия Нижней Силезии. – Прим. пер.